ШЁПОТ СЕРЕБРЯНЫХ ТЕНЕЙ

Там, где замирает эхо

КЕРРИ ЭРИН

18+

Шёпот серебряных теней

Керри Эрин

Там, где замирает эхо

«Автор»
2026

Эрин К.

Там, где замирает эхо / К. Эрин — «Автор», 2026 — (Шёпот серебряных теней)

Три года боли, тьмы и криков. Для Александра лицом его мучителя было прекрасное и беспощадное лицо принцессы Килианы.Но когда чужая воля, управлявшая её телом, отступает, Килиана пробуждается в мире руин. Её отец — тиран, её руки — в крови, а человек, которого она должна была ненавидеть, становится единственным, кому она хочет вернуть веру в жизнь. Сможет ли он простить ту, чей образ снился ему в кошмарах? Есть ли искупление для души, чьим телом совершались страшные преступления? Когда тени прошлого сгущаются, а жажда власти грозит поглотить всё живое, Килиане придется сделать выбор: бежать от расплаты или отдать всё — до последней капли сил — ради того, кого она научилась любить. Там, где замирает эхо старых обид, начинается их общая история. Но какой будет её цена?

© Эрин К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 22
Глава 4 29
Глава 5 40
Глава 6 55
Глава 7 61
Глава 8 67
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Керри Эрин
Там, где замирает эхо

Глава 1

Тень Офелии
1007г.

Офелию всегда называли затерянным краем. Покоившаяся среди скалистых хребтов, она спала под шум вековых лесов, а её озёра казались такими глубокими, будто у них не было дна. Посреди этой зелени высился королевский дворец — громада белого мрамора, которая в ясные дни слепила глаза. Когда-то город за его воротами гудел от рассвета до заката, а в тавернах не умолкал смех.

Теперь Офелия притихла.

Всё изменилось в серый дождливый полдень. Над замком зазвонил погребальный колокол. Офелия лишилась королевы Марианны, которая так и не смогла подарить стране наследника. Мальчик родился на три недели раньше срока, едва успел сделать первый хриплый вздох и ушёл вслед за матерью. С тех пор во дворце навсегда поселился запах ладана, воскового нагара и сырой земли, пропитавший даже гобелены в парадных залах.

Офелия задыхалась в собственном камне. Зажатая между Белыми пиками на севере и топкими низинами Марсеи на юге, королевство не знало тучных урожаев. Земля здесь приносила только овёс, картофель и людей с тяжёлыми, неуступчивыми челюстями. Артерией, державшей Офелию на плаву, оставался восточный горный тракт в Эмбергел — державу рудокопов и ростовщиков.

Каждый вечер, когда солнце цеплялось за вершины западных скал, король Ирид выходил на балкон. Он мог стоять там часами, вцепившись обветренными пальцами в мраморные перила, пока промозглый ветер не выстуживал его до костей. Напротив него, за долиной, высилась Вечная гора — холодный гранитный пик, в недрах которого была высечена королевская усыпальница.

Горе сломало короля, а вместе с ним разрушило и жизнь его единственной дочери. Ирид больше не мог смотреть на Килиану. В её глазах, в упрямом развороте плеч и медно-рыжих волосах он видел Марианну. Живую, дышащую и потерянную. Каждый случайный взгляд на дочь оборачивался для него физической мукой. И король сбежал. Он заперся в своём кабинете, завалил столы бесконечными картами, долговыми свитками. Он пытался упорядочить жизнь королевства, выверяя каждую цифру, словно это могло заглушить боль утраты.

В семь лет Килиана потеряла мать, а после росла в тишине. Её детство прошло в гигантских, продуваемых сквозняками залах, среди равнодушной роскоши. Слуги бесшумно меняли свечи. Няньки шептались за её спиной, крестясь всякий раз, когда девочка проходила мимо. Для них она была «бедным ребёнком», потерявшим мать так рано. Роскошные шёлковые платья, которые ей приносили каждый сезон, казались Килиане тяжёлыми доспехами. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь яркие цветные витражи, не грел — он рисовал на непрогретом полу пёстрые узоры, по которым она ходила из угла в угол, выдумывая себе игры.

Её смех, редкий и тихий, увязал в тяжёлых портьерах. Она наблюдала за городской ребятнёй из окон высокой башни: те бегали по пыльным улицам, ловили обрывки праздничных лент и кричали от восторга. Килиана завидовала этой пыли на их коленях, этой грубой простоте, которой её лишили. Боязнь потери, поселившейся в замке, незаметно проникла и в неё.

Она научилась держать лицо — прятать любые эмоции за вежливой, замороженной полуулыбкой, которую от неё требовал придворный этикет. После утраты она больше никому не хотела открываться.

Её готовили к замужеству так, как готовят породистую лошадь к продаже. Королевские лекари проверяли её здоровье, учителя этикета вбивали в голову правила ведения светских бесед, а портные затягивали корсет так, что сводило рёбра. Килиану тошнило от одной мысли о браке.

После каждого упоминания о помолвке у неё содрогались плечи, а брови сходились на переносице. Она сильно сжимала зубы, и начинала теребить ленты на юбках платья.

Ирид Роддс торопился. Вначале он хотел поскорее надеть на дочь венчальное платье, передать зятю бразды правления Офелией и наконец уйти — спуститься в темноту семейного склепа к своей Марианне. Но упрямство дочери ломало его планы.

Они сталкивались в тронном зале, как два упрямых бойца. Ирид, привыкший к тому, что его слово — закон для тысяч людей, видел в отказах дочери детский каприз. Он кричал, требуя покорности, его лицо покрывалось багровыми пятнами. Килиана не кричала в ответ. Она замирала, гордо поднимала голову и смотрела отцу прямо в глаза до тех пор, пока он не сдавался.

После каждого такого разговора Ирид уходил, тяжело и глухо чеканя шаг по каменным плитам. Его шаги ещё долго затихали в переходах дворца. А Килиана оставалась стоять у окна и вглядывалась в горизонт.

До смерти матери жизнь Килианы была другой. Отец смеялся — громко, заразительно, его руки пахли кожей и ветром. Он брал маленькую дочь на прогулки по двору, учил различать породы лошадей и называл её по прозвищу, которое только он мог позволить себе в присутствии слуг. Мама рассказывала ей перед сном сказки о волшебных мирах. После уроков Килиана бежала к отцу.

Теперь уроки заканчивались — и начиналось долгое ожидание, пока он выйдет из кабинета. Дом стал пустым, а прикосновения — редкими.

Она не знала, как справляться с этим. Отец закрылся в кабинете. Он раскладывал карты и перечитывал отчеты, больше не оставался наедине с тишиной. Он перестал брать дочь в седло, перестал шутить. Их разговоры сводились к кратким приветствиям и прощаниям.

Килиана не умела назвать то, что осталось после смерти матери. Иногда она сидела по несколько часов в углу и пустым взглядом смотрела в одну точку. Иногда разбивала игрушки и выбрасывала украшения.

Она быстро выходила из себя; от малейшей несправедливости вспыхивала так, что слуги шарахались в стороны. Однажды надзиратель прижал молодую судомойку к стенке и приказал наказать её за якобы украденную серебряную ложку. Килиана влетела на кухню, не думая о титуле и приличиях; держа в ладонях тяжелый медный сотейник, и надзиратель едва успел пригнуться, чтобы не получить удар. Ложку нашли в щели стола. Килиана посмотрела на надзирателя и молча убрала сотейник. Она отдала надзирателю кошелёк с монетами и клялась, что больше так не будет.

С каждым годом после смерти Марианны Ирид всё реже смотрел на дочь.

— Посмотри на меня! — В стену полетела фарфоровая ваза. — Я здесь! Я всё ещё твоя дочь!

Он смотрел — но через неё. После… просто отвёл взгляд.

— Валия! Уведи её.

Перо в его руках дрожало, но он продолжил выводить слова в тетради…

— Отец! Валия, убери руки… — голос затих за тяжёлой дверью.

Поначалу Ирид ещё пытался быть тем королём, каким его знали. Он разбирал жалобы крестьян, помнил имена лакеев и мог подслушать разговор у трактира, чтобы понять, чего люди боятся.

Когда выяснилось предательство Феликса Рида. Король невольно погрузился в одно из самых тёплых воспоминаний.

Однажды Феликс принёс в подвал дворцовую ведомость.

— Даже сюда? — спросил Ирид.

— Тебе понравится.

Напротив строки «Вино для королевского стола» стояла сумма, которой хватило бы на новую крышу конюшни.

Ирид посмотрел на свой кубок.

— Это за год?

— За месяц.

— У него вкус мокрой пробки.

— Пробка, видимо, тоже за наш счёт.

Вино попало Ириду в нос. Пришлось высморкаться в рукав. Феликс терпеливо ждал, придерживая ведомость подальше от стола.

— Не смей завтра смотреть на меня за ужином.

— Я обычно смотрю на жаркое.

Под Феликсом скрипнул табурет. Одну ножку давно следовало заменить; вместо этого он каждый раз подкладывал под неё щепку.

— Прикажи уже починить, — сказал Ирид.

— Тогда кто-нибудь выяснит, зачем мне табурет в винном подвале. Потом тебе поставят кресло. Потом здесь появится слуга.

Ирид подвинул к нему блюдо с сыром.

Какое-то время Феликс выковыривал ножом воск из трещины в столе.

— Дома что? — спросил Ирид.

— Александр сегодня назвал меня старым.

— Сколько ему?

— Двенадцать.

— Значит, ты старый.

— Он попросил денег на лошадь.

— Дал?

Феликс перестал скрести стол.

— Дал.

Ирид отрезал себе сыра.

— В следующий раз зови меня. Я хоть посмотрю, как ты кому-то отказываешь.

— Для этого тебе хватит зеркала. Денег на охотничий дом я не дам.

— Я ещё не просил.

Феликс продал чертежи пограничных укреплений. Последствия были очевидны: утрата доверия, косящиеся горожане, шепоты в коридорах дворца. Ирид начал видеть угрозу там, где раньше видел обычную человеческую слабость.

На рассвете после ареста Феликса Ирид не выспался. Утром он вышел на площадь, чтобы присутствовать на казни. Его лицо было бледнее, чем обычно; руки несколько раз промахнулись мимо рукояти меча, а слова путались. Когда петля стянула шею предателя, Ирид позволил себе на секунду закрыть глаза и прислониться затылком к стене.

После этого в его указах все чаще появлялось слово «казнь». Маленькие проступки теперь карались с особой жестокостью: уволенный лакей, казни целых семей, жесткие указы. Всё это он оправдывал необходимостью — «чтобы не повторилось».

Килиана наблюдала за переменами в отце и не знала, что делать со своими терзаниями. Ей казалось, что с каждым новым указом в замке становится меньше воздуха и света. Иногда она пыталась заговорить с ним — тихо просить объяснений, громко требовать правды. Иногда прибегала к немыслимым действиям, чтобы получить его внимание. Но чаще всего их встречи заканчивались тем, что отец уходил, тяжело ступая по каменным плитам, а она запиралась в темноте своей комнаты.

Брак, о котором говорил Ирид, был для неё страшнее смерти. Отдать кому-то свою жизнь, как товар, ради политического мира — это казалось предательством самой себя. Она не хотела быть короной или мишенью; она хотела быть человеком, которого можно коснуться без ощущения вины и долга. Ей хотелось, чтобы рядом был человек, которому не нужно подчиняться и перед которым не придётся оправдываться.

Дни во дворце тянулись медленно. В его больших коридорах и залах звуки давно потеряли лёгкость — даже веселый звон посуды звучал как отголосок чужого праздника. Килиана училась выживать на обломках былого тепла. Она всё реже смеялась вслух, всё чаще разворачивалась и уходила, даже не закончив разговор.

Но кошмаром Ирида были не только призраки казнённых и ссоры с дочерью. Его в кошмарах и наяву преследовало воспоминание о сделке.

Это произошло двадцать шесть лет назад. Морриган обещала сделать Ирида королем.

А потом братья начали умирать. Один за другим. Ирид получил корону. Корона досталась ему замаранной в чужой крови. Он не убивал братьев, но понимал, кому был обязан их смертью. Он понятия не имел, что именно Морриган попросит в качестве оплаты, не знал, когда демоница потребует плату. Неизвестность давила и лишала сна. Со временем он начал вздрагивать от каждого шороха. Предательство друга добило короля.

Случайно проходя мимо зеркал, он вздрагивал и тут же отворачивался, мысленно повторяя: «*Ты продал свою душу, Ирид. И ты не знаешь, когда придет расплата*»

15 мая 1018 г.

В тот день тронный зал гудел. Голос Ирида гремел так, что звенели витражи. Килиана не уступала. Её строптивость, её яростный взгляд и категорический отказ от брака довели короля до исступления. Её лицо покрылось испариной, дыхание стало прерывистым. Принцесса, то вскакивала со своего места, то порывисто садилась обратно.

— Да я скорее сброшусь с башни! Я не позволю тебе продать меня!

Его лицо побагровело, а кулаки сжались до хруста суставов.

— Раз ты не желаешь выбирать сама, — рявкнул он, — то твоим мужем станет первый же мужик, переступивший этот порог! Мне плевать на его титул! Лишь бы он был не женат и подходил тебе по возрасту.

Массивные двери распахнулись. Стражники вволокли в зал избитого, сопротивляющегося юношу. Его рубаха висела лохмотьями, обнажая грязные ребра. По лицу стекала кровь, а левый глаз заплыл. По едва различимому гербу на разодранной рубахе Ирид узнал Александра, сына Феликса Рида.

Время замерло.

Звуки борьбы стихли, крики стражников тоже. По залу потянуло холодом. Ирид медленно осмотрел зал. Из глубоких теней, что таились за колоннами, медленно, будто бы сотканная из тумана, выплыла фигура. Её появление сопровождалось прохладой и туманом.

Это была Морриган.

Её черные глаза смотрели на Ирида всё с тем же пугающим восторгом, что и двадцать шесть лет назад. Тогда он впервые встретил её, будучи юношей.

— Здравствуй, дорогой король, — с усмешкой проговорила Морриган в его сознании. — Я пришла за оплатой.

— Что тебе нужно? — Голос его стал непривычно тих, глаза забегали по сторонам.

Демоница указала длинным бледным пальцем в сторону Килианы:

— Её тело. — Уголок губ поднялся вверх. — Я займу его всего на три года. Не бойся… когда я уйду, она продолжит жить и ничего не вспомнит. Это малая цена за трон, Ирид.

— Ей… будет больно? — Он ослабил ворот рубашки.

— Возможно, совсем чуть-чуть, — ехидно прошептала гостья. Её слова, казалось, вытягивали из легких Ирида остатки воздуха.

Тень прошлых грехов окончательно накрыла Ирида. Скрепленная кровью клятва не позволяла ему отказать. На языке появился знакомый металлический привкус. Одно слово. Он кивнул.

— Согласен. — Внутри что-то надломилось. — У меня нет выбора. Делай, что должна.

Морриган хищно улыбнулась и влетела в грудь принцессы черным дымом. Растворилась в её теле. Время возобновило свой ход.

Килиана вздрогнула и расправила плечи. Лицо разгладилось и приобрело выражение презрения. Ирид увидел, как зелень её глаз затягивает чёрная пелена. Она рассматривала его — и Ирид впервые за долгое время увидел на лице дочери не гнев, а внимание.

Перед ним была уже не его дочь.

Король напрягся всем телом, но заставил себя не отвести взгляд.

— Ваше Величество, — один из стражников, как и остальные не заметивший метаморфозы, преклонил колено. — Мы нашли сына Рида. Прикажете казнить его?

Ирид мимолётно взглянул на существо, ставшее его дочерью.

«Отдам мальчишку в руки демоницы. Пусть страдает.»

Он сглотнул, потёр горящую грудь.

Ирид помнил, как в детстве Килиана смеялась, рассказывала истории о своих приключениях, верила в его справедливость. А сейчас… Решение сулило двойную выгоду: казнь свершится, а демоница получит игрушку, которая отвлечет ее от короля.

«*Я предал её. Сначала заключил сделку с Морриган, не зная, какой будет оплата. Потом отдалился от дочери после смерти Марианны. А теперь сам впускаю чудовище в её тело»*

Ирид понимал: он потерял право называться отцом, став соучастником Морриган. Но многолетнее опасение подсказывало: это единственный способ задобрить ту, что теперь смотрела на мир глазами его ребенка. Он был готов пожертвовать даже честью своей дочери, только бы не дать трусости поглотить его самого без остатка.

— Нет, — произнес Ирид слишком быстро. — Оставьте его. Килиана, дочь моя… — он запнулся, и посмотрел в её внимательные глаза. — Он будет твоим женихом. С этого дня… его жизнь принадлежит тебе.

Александр с силой принялся вырываться из рук стражников. На избитом лице проступило неверие, налитые кровью глаза широко раскрылись.

— Женихом?! — выкрикнул он и сплюнул под ноги королю густую, темную кровь. — Вы сошли с ума, Ваше Величество! Я не имею отношения к делам отца! Я не предатель, слышите?! Убейте меня, но не смейте… — От удара в солнечное сплетение он зашелся в рваном кашле.

Молодой человек перевел взгляд на принцессу, и в его глазах промелькнула мольба.

— Ваше Высочество… — Александр с трудом втянул воздух. Несмотря на руки стражников, стискивающих его плечи, он попытался шагнуть к принцессе. — Вы же знаете… это несправедливо! Я не отвечаю за отца. Скажите ему… Скажите, что я невиновен.

Он смотрел на неё в ожидании, надеялся увидеть желание воспротивиться отцу. Ответом было безразличие. Морриган, занявшая тело девушки, даже не моргнула. Она едва заметно склонила голову набок, изучая Александра.

— Как пожелаешь, отец, — произнесла она голосом Килианы и улыбнулась Александру.

Лорд Винсен молча наблюдал за этой сценой, затем задержал взгляд на Килиане, перевел его на Александра. Прищурился.

— Ваше Величество, — сказал он тихо, — Дом Ридов обвинён в измене. Если принцесса выйдет за сына Феликса, враги могут объявить это признанием его правоты.

Голоса прокатились по залу. В глазах придворных виднелась алчность. Одни шептали о брачных контрактах. Другие — о территориях, которые можно будет обменять.

— Он всего лишь заложник, — прошептал кто-то справа. — Используют и выбросят.

Ирид медленно поднял голову. Придворные заметили это и замолчали. Он заговорил негромко и слишком спокойно:

— Пока я король Офелии, решения принимает корона. Ни вы, ни кто иной не будет распоряжаться моей дочерью.

Ложь далась ему легко.

Но даже после этих слов по коридорам распространялся шёпот: «*Разорвать помолвку*». Никто не считал нужным спрашивать, хотят ли быть связанными молодые — их судьбы принадлежали короне.

Несколько дней спустя в тронном зале собрался Совет. За длинным столом, покрытым алой скатертью, расселись советники. Кто-то вертел перстень на пальце, кто-то отряхивал несуществующие пылинки с рукава. Кто-то постукивал кончиком пальца по столу.

Граф Рамберг поднялся первым. Его прищуренные глаза на худом лице прошлись по собравшимся, и, в конце концов остановились на короле.

— Ваше Величество, слухи множатся. Брак принцессы с сыном казнённого Феликса Рида ставит под сомнение чистоту линии престолонаследия. Совет предлагает аннулировать помолвку.

Маркета Лун, молодая баронесса, чьи владения граничили с лесами на западе, покачала головой:

— Король дал слово перед всем двором, — возразила она. — Если отступит, завтра каждый вассал решит, что указ короны можно отменить шёпотом в коридоре.

— А если не отступит, — перебил Норден, — дом Ридов получит родство с престолом.

Александр слушал, уперевшись спиной в стену. Он сидел на полу всё в той же разорванной грязной рубахе. Опухшие от бессонной ночи глаза впивались в луну за витражом.

Ирид зажмурился и потёр виски. Он поднял руку, и советники замолчали. Несмотря на внешнюю измождённость, его голос оставался твёрдым и живым:

— Корона не отменяет решений из-за слухов. Тот, кто вынесет подобную идею публично, будет казнён вместе с семьёй.

С дальнего конца стола донёсся хриплый голос:

— А что, если использовать помолвку?

Маркета и Норден обменялись быстрыми кивками. Рамберг придвинул к себе пергамент и прикрыл написанное ладонью. Каждый начал прикидывать, какую выгоду принесёт этот брак.

Мир обсуждал события по-своему. Воздух был густ от запаха специй и гниющих фруктов.

— Ты слышала? — шептала одна торговка, вытирая руки о передник. — Говорят, помолвка была вынужденной. Принцесса не выбирала. Александр — не её избранник, а заложник.

— И что? — отвечала другая, насмешливо подмигивая, — Я слышала, наш король вообще проиграл дочь в споре этому Риду.

Юный шинкарь услышал разговор, затем положил кувшин и покачал головой:

— Хватит нести чушь. Вам заняться больше нечем?

К полудню на другом конце рынка уже рассказывали, будто Александр Рид выиграл принцессу у короля в кости. К вечеру говорили, что свадьба состоится через три дня.

Глава 2

Пробуждение

15 мая 1021г.

Килиана распахнула глаза и тут же зажмурилась от солнечного луча, что резал глаза. Девушка поморщилась и накрылась одеялом, но сонливость уже ушла. Голова раскалывалась, болезненный пульс бился в висках.

Память подбросила яркий всполох вчерашнего дня: очередной спор из-за требований отца выйти замуж. На этот раз он даже не пытался скрывать злости — стоял с налитыми кровью глазами, а голос его срывался на хрип, брызжа слюной в разные стороны.

При воспоминании об этом, во рту образовалась горечь.

Но дальше… дальше память обрывалась, оставила после себя звон в ушах и черноту.

«Кажется, кто-то вошел в зал… Но кто?»

Килиана зажмурилась, попыталась ухватиться хоть за какой-то обрывок. Она помнила звук удара створки двери о стену.

Девушка провела языком по сухим губам, язык царапнуло о шершавую поверхность.

Вместо картинок перед глазами вспыхивали цветные пятна. Не обычная забывчивость, когда не можешь вспомнить слово. Здесь не было ничего. Ни лиц, ни звуков.

Килиана сжала пальцы на одеяле, оно цеплялось за кожу. В пальцах неприятно заныло.

Конечно, она понимала, что для укрепления королевства необходим династический союз. Понимала она и то, почему отец торопился: Офелии требовались союзники, а короне — наследник. Только понимание не означало согласие. Она жаждала изучать древние архивы, постигать тайны мира. Ей хотелось самой выбирать, куда идти и с кем говорить, а не становиться частью договора, который заключат без неё.

«Отец не отступится,» — тяжелый вздох наполнил грудь. Она откинула летнее одеяло и села.

Ночной кошмар никак не отпускал, прилип к телу плёнкой холодного пота, заставляя кожу зудеть, а плечи передергиваться. Во сне звучали человеческие крики, пахло кровью и сырой подвальной плесенью. Лица людей оставались размытым пятном, продолжая молить о пощаде. Килиана замерла, продолжая цепляться пальцами за край одеяла, будто оно могло удержать её в реальности. Постель стала холодной и слегка влажной, впитывала окружающие звуки. Даже птицы за окном не пели и ветер не танцевал в листьях.

Взгляд обогнул комнату. Привычные зелёные гобелены с изображением лесов сменились на тёмно-синие, более плотные. Она взглянула на кровать, на письменный стол. Вещи оставались знакомыми, но стояли иначе. Или ей так только казалось? На прикроватном столике стояла незнакомая пустая ваза. Килиана протянула руку к вазе и осторожно провела по прохладной поверхности ногтем. Стекло скрипнуло. Звук потревожил тишину, переплетаясь с громким дыханием девушки. Она отдернула руку так быстро, будто стекло обжигало.

Она моргнула. Комната оставалась чужой.

Килиана медленно спустила ноги на пол — и холод паркета ударил по ступням.

«Если комната изменилась, значит, могло измениться что-то ещё.»

Килиана потёрла шею и со стоном закрыла глаза. Первым порывом было броситься к двери, выкрикнуть имя служанки. Потребность услышать знакомый голос Валии была сильна. Но ещё сильнее хотелось зажмуриться и прошептать: «*Пусть всё станет как было*».

Только даже если гобелены снова позеленеют, а ваза исчезнет, обида от вчерашних слов и осадок кошмарного сна никуда не денутся. Они останутся — тяжёлые, упрямые, въевшиеся в память.

Больше не решаясь прикоснуться к чему-либо, Килиана медленно прошлась по комнате. Пальцы сжимались и разжимались, изо рта вырывались бледные облачка пара.

Застоявшийся запах пыли и поблекшие цвета впивались в кожу, разъедали некогда привычные вещи. Ажурная паутина затянула дальний угол, оберегая своего хозяина. Тонкая трещина на оконном стекле грозила расползтись молнией и разбить стекло в дребезги. Ей казалось, что вместо паркета она ступает по зыбкому песку, который затягивает её внутрь.

Килиана потерла покрытые мурашками плечи и медленно приблизилась к ростовому зеркалу. Руки повисли вдоль тела, потеряв всякую силу. Она дёрнулась, ища за что можно схватиться, но схватила воздух.

В памяти яркой тёплой вспышкой пронёсся день её восемнадцатилетия.

Тёплый летний полдень висел над садом. Пахло розами — так сильно, что этот запах прилипал к коже, въедался в неё. Она стояла неподвижно, ловила носом этот воздух.

Она чувствовала себя чуть колючей, неидеальной. И эта самая неидеальность добавляла жизни одинаковым дням во дворце.

Платье цвета молодой листвы — лёгкое, почти невесомое. Оно тогда так смешно шелестело при каждом шаге, будто само подталкивало: «Ну давай, беги!» Огненные локоны лезли в глаза, путались в ресницах, щекотали шею — а она отмахивалась, смеялась, не видя в этом никакой беды. А глаза… В них тогда была такая зелень — чистая, яркая, в них отражался весь сад разом.

Воспоминание прервалось, осталось чувство, будто она долго стояла на ветру, а теперь зашла в тепло дома. В носу всё так же отчётливо ощущался аромат садовых роз.

Из тяжёлой рамы на неё смотрело чудовище. Мертвенно-бледная кожа; заострившиеся, хищные черты лица, лишенные девичьей мягкости. Но страшнее всего были глаза. Прежняя зелень исчезла. Правый глаз хранил синеву океана, а левый... левый стал черным.

В пальцах появилась колючая слабость. Она замерла и сжала кулаки, чтобы не дать рукам вздрагивать, но это не помогло. Рама стала слишком резкой, будто очерченной углём; на периферии зрения всё размылось, словно кто-то подышал на стекло. Отражение — слишком реальное, чтобы быть видением, наваждением.

— Нет, — прошептала Килиана.

Руки вцепились в ворот сорочки, потянули, пытаясь сорвать её, надеясь, что вместе с тканью она могла бы содрать с себя чужое лицо.

— Это не я. Не я… — Девушка опустила руки и впилась ногтем большого пальца в подушечку указательного.

Слова сиплым эхом отдались в голове, и Килиана вцепилась глазами в зеркальную поверхность. Чёрный глаз смотрел на неё будто с насмешкой. Холодок пробежал по спине. Она попыталась отвернуться, но не смогла даже пошевелиться, ноги, казалось, вросли в паркет.

Вопросы кишели в голове Килианы, не находя ответа. Она оказалась загнанной в угол своим отражением. И поняла: самое страшное не в том, что лицо стало чужим. Самое страшное в том, что где-то глубоко внутри ей показалось, что это лицо — настоящее, а всё, что было до этого, было маской.

Руки одеревенели, когда она коснулась лица. Тяжёлые, непослушные пальцы скользили по бледной коже. Она попыталась пошевелить рукой, чтобы убедиться, что это всё ещё она, но движение вышло неловким. Кончиками пальцев она ощутила под тёплой кожей едва уловимое напряжение.

Килиана отшатнулась, зацепилась ногой за край ковра. В ноге вспыхнула острая резь.

— Успокойся, глупая, — прозвучал голос внутри головы, раздражая каждый нерв.

Килиана вздрогнула, прижимая ладони к ушам. Кончики пальцев закололо. Глаза не нашли источник голоса, скользя по всему пространству пыльной комнаты.

— Кто здесь? — она повернулась, продолжая вглядываться в пустые углы комнаты. — Выходи!

Она слышала только своё частое поверхностное дыхание. Девушка снова уставилась в зеркало. Из-за холодного пота сорочка прилипла к телу, а язык превратился в камень.

— Ты просто не помнишь, — голос казался ей неприятно знакомым, в его отзвуках злость сливалась с лаской.

— Кто ты?

— Но скоро я помогу тебе вспомнить.

Килиана нащупала стол и ухватилась за его край. Ноги потеряли опору. Мебель в комнате расплывалась, превращаясь в цветные пятна. Стены давили, сжимались, выдавливали остатки воздуха из комнаты.

— Ты все вспомнишь.

«*Такого не может быть! Это невозможно!*»

Тело застыло, неспособное ответить на зов рассудка. Единственным доказательством того, что она не спит, оставались жгучие слёзы, бегущие по щекам. Голова гудела, мысли метались.

«Вспоминай! Вспоминай!»

Сквозь пелену слез она заметила движение в отражении. Не ее собственное. Что-то тёмное шевельнулось в глубине синего глаза. Черный, глаз оставался неподвижным, но от него исходила аура силы. Глаза впились в отражение. Дыхание успокаивалось и слёзы перестали литься.

В дверь кто-то постучал.

Килиана резко выпрямилась и обернулась.

Стук повторился — негромкий, осторожный. Затем дверь распахнулась, впуская в комнату свежий холодный воздух.

На пороге стоял молодой человек.

— Ваше Высочество? — в глуховатом голосе с лёгкой хрипотцой послышалась ненависть, которую, кажется, он уже давно перестал прятать. И самое страшное было в том, что за этой ненавистью сквозила какая-то обида.

Он никогда не был в услужении во дворце, тем более в услужении *ей.*

Юноша был высоким и болезненно худым. На лице виднелись следы побоев, под правым глазом темнел синяк. Светло-зеленые глаза смотрели на неё без малейшего доверия.

Килиана дёрнулась назад, но врезалась бедром в стол.

— К-кто вы?

Молодой человек замер. Щеки у него чуть покраснели, брови приподнялись. Он принялся разглядывать Килиану — будто искал что-то. Взгляд скользнул по её плечам, метнулся к лицу. Убедившись, что она на самом деле растеряна, он прокашлялся — звук вышел сухим, неловким, как если бы горло пересохло от спешки. Потом поднял глаза. Его выражение изменилось: возникшее беспокойство схлынуло, и осталась безучастная отстранённость.

Он сжал губы, будто попробовал на вкус то, что собирался сказать, и бросил безразличным тоном:

— Это очередная игра, Ваше Высочество?

— Какая игра?

— Я Ваш суженый. Александр. Мы были помолвлены три года назад…

— Вы… шутите?

Она медленно растёрла своё плечо. Глаза Александра упёрлись ей за спину, а после опустились на её босые ноги. Он облизал пересохшие губы, поправил грязную рубашку. Юноша злобно усмехнулся, слегка потирая запястье.

— Три года назад… меня привели в этот дворец. Король решил, что я должен ответить за грехи отца. Он связал нас помолвкой.

Килиана не отрывала от юноши взгляда.

— Я ничего не помню.

— Удобно, — сказал он. — Очень удобно.

— Расскажи мне… что… что произошло.

Он отвернулся к двери.

— Я бы предпочёл сгнить в шахтах. Или оказаться на плахе. Всё лучше, чем оставаться здесь.

— Почему?

Александр медленно повернул на неё голову и тут же снов отвернулся.

— За эти годы вы превратили мою жизнь в ад.

Килиана вздрогнула.

— Я?

Юноша быстро развернулся и сделал шаг вперёд. Килиана всё сильнее вжимала пальцы в край стола.

— Каждое гребаное утро вы начинали с того, что тащились ко мне. Обливали ледяной водой в камере. Выгоняли нагим на мороз. Устраивали судилища за малейшую провинность, о которой никто не знал. Вы сделали всё, чтобы растоптать меня перед каждым в этом дворце.

Он говорил всё быстрее. Он видел, как её глаза расширяются сильнее, как она выпрямляет спину.

— Мой отец согрешил, — продолжил Александр. — Но какого… почему *я* должен за это расплачиваться? С каких пор дети отвечают за проступки родителей?

— Но я… Я бы никогда не поступила так, — выдавила она наконец.

— Вы поступили.

Его голос звучал тихо.

— Мой отец предал корону, и его казнили. Справедливо. Но вы с отцом решили, что мне нужно оставить жизнь. Мне кажется, что вы специально не давали мне сдохнуть.

— Александр…

— Не называйте меня по имени так, будто имеете на это право.

Он развернулся и направился к двери.

— Постой.

Александр остановился, но не обернулся.

— Пожалуйста... Расскажи мне всё. Я должна понять.

— Вам не нужно ничего понимать, Ваше Высочество. Вы всегда прекрасно знали, что делаете.

Он вышел.

Несколько секунд она стояла неподвижно, а потом медленно опустилась на пол. Она смотрела на свои пальцы и пыталась представить, как они держат плеть, чашу с ледяной водой или ключ от камеры. Образы не приходили. Только пустота.

Килиана поднялась и снова подошла к зеркалу. Она долго всматривалась в свои глаза.

«Отвратительно».

Она проверила руки, ноги, лицо, плечи. Тело действительно изменилось: стало выше, худее.

Когда солнце за окном поднялось выше, в дверь постучали.

Килиана вздрогнула. Прислушалась.

Стук повторился.

— Ваше Высочество? — раздался женский голос.

Килиана подлетела к двери и открыла. На пороге стояла полная румяная женщина в белом чепце. Она держала поднос и так крепко сжимала его края, что пальцы покраснели.

— Ваш завтрак, Ваше Высочество, — сказала она. — Простите, если разбудила. Я готова понести любое наказание.

— Вы меня не разбудили.

Женщина подняла глаза, но тут же снова опустила их.

— Как вас зовут?

— Мэри.

— Мэри, подойдите. Я хочу кое о чём спросить.

Служанка замерла, вжалась в косяк.

— Конечно, Ваше Высочество.

— Я не собираюсь вас наказывать.

Мэри сжала пальцы на подносе ещё сильнее.

— Да, Ваше Высочество.

— Вы служите мне давно?

— Почти два года.

— Где Валия? Говорите.

— Ваша прежняя служанка… ушла.

— Почему?

Женщина сглотнула вязкую слюну.

— Вы изгнали её.

— За что?

Мэри обернулась на дверь и медленно перевела взгляд на Килиану.

— За неуважение.

Лицо Килианы покраснело, подбородок вздёрнулся.

— Расскажите мне о последних годах.

Чашки на подносе задребезжали. Мэри со свистом втянула носом воздух.

— Вы ничего не помните?

— Ничего.

Служанка поставила поднос на стол. Чашка громко звякнула о блюдце.

— Вы наказывали тех, кто вас расстраивал. Слуг, солдат, лордов, простых горожан. Неважно. Если вы решали, что человек виноват, ему оставалось подчиниться.

— За что наказывала?

— Иногда за грубость. Иногда за непослушание. Иногда… — Мэри пригладила фартук. — Иногда никто не понимал, за что.

Килиана смотрела в стену, не моргая.

— Что обо мне говорили во дворце?

Мэри начала теребить завязки передника.

— Что… что в вас вселился… демон.

В комнате стало тихо.

— А раньше?

— Что вы были доброй. Справедливой. Вы помогали слугам. Защищали тех, кого наказывали несправедливо.

Плечи Килианы опустились, она закрыла глаза.

— Когда всё изменилось?

Когда девушка открыла глаза, губы служанки побледнели, напоминая потолочную побелку.

— Ну?

— Три года назад.

«Три года… Получается, мне уже двадцать один год?»

— В день помолвки с Александром?

Служанка быстро закивала.

— В тот день вы стали другой. После его прибытия начались игры. Вы заставляли людей доказывать верность, публично каяться, отказываться от земель и титулов. Лорды унижались перед вами, потому что боялись последствий.

— А мой отец?

Мэри потупила взгляд.

— Говорите.

— Его Величество… позволял вам.

Килиана отвернулась.

— Достаточно.

Голос прозвучал ровно, но Мэри вздрогнула. Служанка поклонилась и поспешно вышла. Дверь закрылась почти беззвучно.

Килиана помассировала виски, но боль не уходила. Она подошла к двери и взялась за ручку.

Каждый шаг отражался от стен пустых коридоров гулким эхом.

«Под полом будто пусто».

Запах сырости и гари раздражал нос. Килиана шла, время от времени потирая его. Коридоры, которые она когда-то проходила, ощущая спокойствие, теперь давили на плечи. Свет больше не золотил паркет, а падал серыми полосами, подсвечивая паутину и пыль. Слуги попадались всё реже. Те немногие, кому не посчастливилось оказаться на ее пути, тут же опускали глаза в пол. Килиана увидела, как не слушаются пальцы служанки, держащей поднос. Как бледнеет молодой солдат, прижимаясь спиной к влажному камню стены. Они не оказывали почтение принцессе — они прятались. В их глазах, брошенных на её удаляющуюся фигуру, не читалось уважение.

Чем ближе она подходила к кабинету короля, тем темнее становилось.

В конце коридора показались массивные двери из дуба, украшенные резьбой в виде сплетающихся веток деревьев. Гвардейцы, стоящие на посту, склонились. Они не преградили ей путь. Их лица побледнели, стоило ей приблизиться. Беспокойные взгляды жгли затылок.

Килиана шагнула через порог — и будто налетела на стену. Она застыла, не в силах отвести взгляд.

«Ему всего сорок девять, а волосы уже поседели. А лицо… Что с ним? Почему оно такое морщинистое?»

В детстве Килиана гордилась внутренним стержнем отца. Сейчас же каждое движение он делал через силу. Казалось, ещё немного — и он просто уронит голову в ладони и скажет:

«*Я больше не могу*».

Килиана сжала дверную ручку, дерево чуть заскрипело под пальцами — ей нужно было за что-то держаться, чтобы не сорваться с места, не подбежать к нему, не закричать:

«*Что случилось?*»

Но слова застряли, не находя выхода, а тишина между ними становилась все более неловкой.

— Отец?.. — Килиана постаралась выговорить это ровно, но голос сорвался, потонув в тишине кабинета.

Ирид Роддс ответил не сразу. Он сидел неподвижно. Взгляд впивался в одну точку на стене перед. Руки сжимали тяжёлое перо. Но когда он поднял глаза, его взор прояснился. Король жадно всматривался в лицо дочери, ловя каждую деталь. Привычный за эти годы застой

уступил место живой растерянности. Чернота отступила. Лишь в левом глазу еще кружилась черная муть, тогда как правый стал глубокой синевой.

«Демоница ушла. Килиана здесь.»

Ирид резко поднялся, обогнул стол и порывисто прижал дочь к себе. Его руки сжали её плечи — крепко, до посинения.

— Килиана? Девочка моя… — его голос сорвался на хриплый, надломленный стон.

Руки продолжили цепляться за ручку.

«Со дня похорон матери отец ни разу не обнимал меня так…»

Внезапный порыв нежности отозвался внутри странной тревожной сладостью — давно забытым чувством защищенности, за которым тут же последовала робость.

— Да… это я.

— Боги, ты вернулась… — Ирид чуть отстранился, но из объятий её не выпустил. Его плечи опустились. Тяжесть, давившая на него годами, наконец ослабла. — Прости меня, дочь… Если бы ты знала, как мне жаль. За каждый день, за всё, что произошло. Я хотел сказать тебе раньше, но не смел. Теперь… когда ты снова со мной, я не буду молчать.

— Отец, о чем ты? Что случилось? — её голос прозвучал приглушённо, точно доносился из глубокого колодца.

Килиана коснулась его пальцев, пытаясь удержать этот разговор, очертить хоть какие-то границы правды. Но в то же мгновение мир качнулся. Свет погас, и её накрыла вязкая темнота, пропитанная запахом слежавшейся пыли и чужих, давно похороненных воспоминаний.

Килиана увидела себя в полумраке незнакомой комнаты. Перед ростовым зеркалом в серебряной раме стоял юноша. В его чертах с трудом угадывался Ирид — таким она знала отца по старинным портретам в галерее предков.

Чужие чувства хлынули в её сознание горячей, удушливой волной. Вытеснила всё, что она сама успела почувствовать. Она не могла пошевелиться, не могла выдохнуть, оставаясь бессильной заложницей в чужом прошлом.

Амбиции Ирида всегда были его скрытой язвой. Пятый сын, лишенный прав на престол, объект насмешек старших братьев. Он рос в тени, сжигаемый обидой.

За окном ноябрь 989 год. В ночь своего семнадцатилетия Ирид напился дешевого вина и стоял перед зеркалом, вытирая с покрасневших щек слезы вперемешку со злостью.

«Пусть они все исчезнут!»

Внезапно зеркальное стекло пошло рябью, как затянутый ряской пруд. Отражение юноши растворилось, и из глубины проступил женский силуэт. Волосы цвета воронова крыла и глаза, в которых клубился живой, темный туман. Черты лица казались настолько нечеловечески точеными, что у Ирида перехватило дыхание.

— Здравствуй, король, — прошелестел голос. Он прозвучал не из воздуха, а раздался прямо в его голове, отзывался вибрацией в костях.

Ирид вздрогнул, беспокойство обожгло его изнутри, но он не отступил. Интерес оказался сильнее.

— Я не король, — отчеканил он с застарелой горечью.

— Но ты станешь им… — Тень в зеркале чуть склонила голову, и туман в её взгляде закружился быстрее. — Нужно всего-то принять мои условия.

— Кто ты? — Ирид сделал шаг вперед, глядя на гостью. — И, о чем ты говоришь?

— Мое имя — Морриган. Я ищу временное пристанище в этом мире. Я очищу твой путь к престолу, Ирид Роддс. Уберу любую преграду. Взамен же возьму то, чего у тебя пока нет.

Ирид прищурился:

— Какая тебе выгода от моей короны? В чём подвох?

— Мне нужен человек, который впустит меня в этот мир. А тебе — тот, кто уберет с дороги всех, кто стоит между тобой и короной, — голос Морриган резко остыл. — Больше не задавай мне вопросов, смертный! Решайся. Мое время истекает.

— Что я буду должен? — выдохнул юноша в звенящую тишину.

— Когда придет час, я объявлю цену. Ты всё узнаешь.

Без трона Ирид видел только медленное угасание и гниение.

— Я согласен.

— Прекрасно… — в голосе Морриган прозвучало торжество. — Окропи кровью ладонь. Приложи её к моей.

Ирид выхватил кинжал. Блестящее лезвие полоснуло по коже. Алая кровь заполнила ладонь. Он поднял руку и прижал её к гладкому стеклу — прямо к призрачной ладони Морриган.

Комнату ослепила вспышка, похожая на молнию. Стекло под пальцами стало мягким, как живая плоть. Тело Ирида обожгло, и Морриган исчезла. После неё остался запах озона и гари.

Зеркало снова отражало его бледное лицо и порез на руке. Но в груди, рядом с торжеством, поселился неотвязный трепет.

Память отпустила Килиану, и кабинет снова возник перед ней.

Килиана быстро отдёрнула руку от пальцев отца. Сердцебиение ощущалось где-то в затылке.

«Его память… Он продал всё еще тогда».

Он медленно опустил руку. Рука безвольно повисла.

Тепло, промелькнувшее в нём минуту назад, исчезло, уступило место привычному безразличию. Король указал на бархатный диван и сел напротив.

— Присядь, Килиана, — голос его был сухим и безжизненным.

Она опустилась на самый край, разгладила ткань голубого платья.

— Всё закончилось, — произнес он, глядя куда-то поверх её головы. — Теперь ты должна знать.

— Что именно? — ее голос дрогнул.

— Слушай. И не перебивай. Двадцать девять лет назад я совершил глупость. Я был ослеплен жаждой власти и заключил сделку… с демоницей.

Последнее слово Ирид выплюнул, сморщил нос:

— За трон она потребовала… тебя. Твоё тело. Я не знал, какой именно будет плата, а когда понял — было поздно. Срок пришел три года назад. Эта тварь вошла в тебя, заменила твое имя и лицо. Она даже не скрывалась от меня — ей нравилось мое бессилие.

В ушах завис звон и вытеснил звуки.

«Он променял моё тело на корону?!»

— Мои глаза! — выкрикнула она и коснулась щеки. — Почему они стали такими?!

— Отпечаток сделки, — ответил Ирид. — След чужого присутствия.

— Но почему след остался на мне?! — её голос сорвался. — Ведь сделку заключал ты! Это твоя жадность! Твое безумие! Почему плачу я?!

Ирид впервые за долгие годы отвёл взгляд, теребя рукав рубашки.

— Сосуд не мог остаться прежним…

— Где эти три года? Почему я ничего не помню?

— Она вытеснила твое сознание. Тебя просто не было, Килиана.

— И что… — Килиана сглотнула подступивший ком. — Что она делала в моем теле?

Ирид посмотрел на неё прямо:

— Наслаждалась чужими мучениями. Стравливала слуг, ломала лордов.

— И ты молчал? Ты просто смотрел на это?!

— Когда я попытался вмешаться, она пообещала уничтожить твою душу и сжечь Офелию. Она поклялась не проливать кровь, пока я… не мешаю… В основном её гнев падал на мальчишку. Остальных она трогала мимоходом.

Килиана вдохнула, но выдох так и не вырвался наружу.

«Значит, Мэри и Александр не лгали».

— А Александр? — выдохнула она. — Кто он?

— Александр — сын Феликса Рида, изменника, который продал врагам наши форты. Думаю, ты помнишь Феликса. Его я отправил на плаху, а парня… парня оставил при дворе. Чтобы он страдал.

— Но мы помолвлены… Это была её воля?

— Нет, — Ирид усмехнулся. Смех походил на треск веток. — Это было мое решение. Я обручил его с тобой, потому что знал, кто живет в твоем теле. Я отдал его демонице. Я знал, во что она превратит его жизнь. Это было справедливо.

Желание вымыть руки с мылом одолевало остальные чувства, она ногтем прочертила обивку дивана.

— Ты отдал живого человека чудовищу? Только чтобы отомстить?!

Ирид скривил губы, лоб наморщился, но он сдержался.

— Теперь это неважно.

«Неважно?» — закричал внутренний голос. *«Ты отдал меня, ты отдал его, ты превратил все вокруг в пепелище и говоришь "неважно"?»*

Король между тем продолжил, не замечая бедствия в её глазах:

— Через два месяца у тебя будет возможность всё закончить. На праздничном балу ты сможешь публично расторгнуть помолвку. Выберешь другого или останешься одна. Я больше не стану принуждать тебя к браку. Если захочешь оставить Александра при себе — мешать не буду. Но если откажешься от него — его просто изгонят из Офелии. Он получит свободу, а ты — покой.

— Правда? — Килиана заставила себя выговорить эти слова, чтобы он не передумал. — Ты просто отпустишь его?

— Считай это моим даром, — Ирид поднялся с кресла. Каждое движение было тяжёлым. — За мои грехи. И за то, через что тебе пришлось пройти по моей вине.

«Я не верю тебе».

В человеке, который годами спокойно наблюдал за пытками в собственном дворце, не осталось ничего святого.

— Я пойду, отец… что-то мне дурно.

Ирид не ответил.

Килиана выскочила из кабинета отца и побежала.

В части западного крыла время будто застыло. Шум слуг и шаги стражи остались далеко позади. Паутина скрывала каждый угол, а пыль плотным ковром устилала пол. Шаги Килианы были почти не слышны в заброшенных переходах. Перед ней выросли массивные дубовые двери, обитые потемневшей медью. Ржавый навесной замок висел на одной дужке.

Принцесса с силой толкнула створку, и та поддалась с протяжным, тоскливым скрипом.

Она шагнула внутрь.

Заброшенная библиотека встретила её застоявшейся тишиной и запахом прелого пергамента и высохших чернил. Огромные окна, затянутые паутиной, едва пропускали дневной свет. Лучи прорезали полумрак серыми столбами, в которых медленно кружилась пыль. Высокие шкафы из темного дерева уходили под самый потолок, напоминая гигантские надгробия.

Тысячи забытых книг хранили чужие секреты.

Килиана сделала несколько шагов. Ее туфли оставили четкие следы на сером паркете.

Силы внезапно кончились.

Она оперлась спиной о шкаф и медленно сползла на пол, обхватила колени. Она больше не могла прятать слёзы, которые так тщательно сдерживала перед отцом. Килиана уткнулась лицом в ладони, плечи её затряслись, но звук рыданий так и не нарушил тишину.

Принцесса осталась одна — с проклятым телом, чужой славой, среди людей, которые её ненавидели.

«Я должна найти зацепку. Я не хотела всего этого... Хватит. Слезами ничего не исправить. Если я не найду способ очистить имя, какая разница, кто это сделал? Начну с Александра. Я обязана вернуть ему хотя бы право на нормальную жизнь».

Когда слёзы высохли, она подняла голову. Глаза блеснули в сумерках запертой библиотеки. Килиана поднялась, вытерла лицо тыльной стороной ладони и решительно направилась в дальний угол — туда, где за кованой решеткой пылились запретные фолианты о темных сущностях.

При тусклом свете началась её охота. Пальцы скользили по шершавым корешкам, глаза всматривались в полустёртые названия. За окнами свет сменился серым сумраком, а она продолжала листать книги. Том за томом. Вдыхала пыль, но находила лишь общие слова о демонологии и изгнании. Ни единого упоминания имени Морриган.

— Опять ничего?.. — выдохнула она, отталкивая очередной фолиант. Книга упала на пол, подняв серое облако.

Килиана проследила за упавшим фолиантом и её зрение зацепилось за узкую, потемневшую тетрадь, зажатую между рассыпающимися свитками в самом низу. На ней не было названия. С трудом сдерживая волнение, Килиана вытащила её, коснулась зернистой прохладной поверхности старой тетради. Пожелтевшие страницы едва держались на истлевшей нити, шелестя от каждого прикосновения.

На одном из разворотов она разобрала выцветшие строки:

«Сущность, не имеющая собственного пристанища, входит в тело смертного, питается его болью и желаниями. Она искажает их, пока желание не становится наказанием для самого человека и всех, кто его окружает.»

— Желания?.. — Стремительный выдох смешался с шуршанием листов. — Какое мое желание она исполняла? Освободиться от брака? Сделать отца бессильным?

Желудок сжался в узел.

«Если Морриган действительно ушла, почему остался след в глазу? Почему под кожей всё еще свербит её присутствие? А вдруг она не ушла? Вдруг эта свобода — фикция? Имею ли я право просить прощение?»

Она пролистала еще несколько свитков и не нашла больше ничего. Килиана захлопнула дневник, прижала его к груди и выскользнула из библиотеки, оставляя свежие следы на пыльном дереве старого паркета.

Глава 3

Поиск забытых знаний

15-22 мая 1021 г.

Тишина в коридорах мешала дышать. Встречавшиеся на пути слуги вжимались в стены. Их полные обречённости взгляды оставляли ожоги на коже. Она шла не глядя. Болезненное чутьё тянуло её прочь от библиотеки и тёмных мыслей.

Ноги сами вынесли её в дальний конец западного крыла, к неприметной лестнице, ведущей в подвалы. Оттуда, из сырой глубины, доносилось гулкое эхо: тупые удары и лишённые всякого почтения голоса.

— …Щенок предателя.

— …Думаешь, ты особенный? Её Высочество оценит наше рвение.

Килиана остановилась, прислушалась.

Внизу что-то тяжёлое с глухим звуком обрушилось на каменные плиты. Сдавленный стон отозвался в её теле острым спазмом. Она сжала ткань платья на груди, ощутила, как сердце бьётся прямо в кулак.

— Когда ты сдохнешь, мир наконец очистится от гнили! — последовал издевательский хохот.

Килиана бросилась вниз по лестнице. Темень подвала встретила её запахом нечистот и гнили; резкая вонь ударила в нос, отчего к горлу подступила кислая тошнота.

Заглянув за угол, она увидела сцену, от которой потемнело в глазах. Она схватилась за склизкую стену, пока мир кренился.

Трое слуг окружили человека, стоящего на коленях. Рывок за волосы — и голова пленника закинулась назад.

— Ты — жалкое отребье, недостойное даже воздуха, которым дышишь, — прошипел слуга и сплюнул пленнику прямо в лицо.

Остальные заржали.

Один из них с размаху ударил мужчину по лицу. Другой подло пнул его по ребрам. Молодой человек согнулся, закрывая руками голову. Первый слуга с отмаши впечатал тяжелый сапог ему в бок. Раздался громкий хруст, будто сломалась толстая ветка под сапогом.

Пленник захлебнулся собственным вдохом и уткнулся лицом в грязь пола.

— Её Высочество погладит нас по головке за такой подарок, — пробормотал один из них, вытирая руки о грязный передник.

Это стало последней каплей. Болезненный спазм сжал желудок, рот налился вязкой слюной.

«Я стану той, кем меня считают.»

Она расправила плечи, и её лицо разгладилось в изысканной, бессердечной жестокости. Губы вытянулись в безразличную линию, а подбородок высоко поднялся.

— Руки, — произнесла она. Тихо. Без крика.

Слуги замерли. Слуга с сальными патлами, свисавшими на лоб, медленно повернул голову. По его лбу скатилась капля пота. Кровь отхлынула от лица, делая его призрачно-бледным. Все трое рухнули на колени, чуть не вбивая лбы в грязный камень.

— Вон от моей игрушки.

— В-ваше В-высочество… — залебезил тот, кто только что пинал пленника. Его голос стал тонким и писклявым. — Мы… мы ведь помогали вам. В вашей игре! Вы же сами говорили… что вам нравится, когда мы «разминаем» его в ваше отсутствие…

Рука повисла вдоль тела. Тепло отлило от щёк. Она сделала шаг вперёд, выходя из тени.

На полу, в луже крови и плевков, лежал Александр. Его глаза, видневшиеся из-под спутанных волос, были полны ненависти. Килиане захотелось провалиться сквозь землю. Глаза впивались в неё и следили за каждым движением.

— Я сказала: пошли вон от моей игрушки. Ещё хоть один удар — и я буду лично смотреть, как с вас живьём сдирают кожу на площади.

— Но вы же сами просили… порадовать вас… — попытался вставить второй.

Килиана в мгновение ока сократила расстояние и мёртвой хваткой вцепилась ему в горло. Её разноцветные глаза светились во мраке затхлого подвала.

— Я уничтожу каждого, кто приблизится к нему без моего приказа. Ты меня понял?

Слуга побледнел, его челюсть задрожала.

— М-мы поняли, Ваше Высочество. Больше не тронем…

— Пошли… — прошипела она и оттолкнула мужчину. Голос потонул среди каменных стен. — Вон.

Слуги, спотыкаясь и давя друг друга, бросились к лестнице. Их панический топот быстро затих на верхних этажах.

Подвал опустел.

Когда эхо шагов растаяло, Килиана тяжело выдохнула, и её плечи опали. Высоко поднятый подбородок опустился, глаза прикрылись на краткий миг. Она опустилась на корточки рядом с Александром.

Направленный на неё взгляд юноши горел мукой, мышца под правым глазом мелко дёргалась. Килиана физически почувствовала, как он прожигает её насквозь.

Она потянулась к нему, но Александр резко, насколько хватило сил, дёрнул головой. Его передёрнуло, кадык дёрнулся.

Она непослушными пальцами достала из кармана шелковый платок. Едва касаясь, вытерла след плевка с его щеки, несмотря на его попытки вжаться в пол. Затем перевернула ткань и промокнула кровь, сочившуюся из рассечённой брови.

— Мне… — прошептала она. — Прости меня…

— Не прикасайтесь… ко мне… От вас воняет смертью, принцесса, — прохрипел Александр. Голос сорвался на мучительный кашель, сдавливая его лёгкие.

Она едва осознавала, что говорит, плечи всё сильнее сутулились, глаза лихорадочно бегали по грязному полу:

— Я не могла… Прости, пожалуйста, прости… Это была не я, клянусь! Я не хотела, я даже не знала… Боги, как же мне жаль…

Александр смотрел на неё снизу вверх, и его глаза, затуманенные агонией, прищурились, лоб прорезала складка. Он разглядывал её как безумную, и в этом было больше дикости, чем перед сапогами слуг.

«Новая игра? Ладно.»

Прошло несколько томительных минут, наполненных хриплым дыханием Александра и громким стуком сердца Килианы. Неуверенной ладонью она коснулась его щеки там, где кожа была чистой.

— Я не причиню тебе вреда, — прошептала она. — Ты можешь встать? Тебе нужно к целителю… Он поможет.

Александр вытолкнул резкий смешок, тут же перешедший в стон.

— Мне запрещено… обращаться к целителям, — прохрипел он. — А лекарям… под страхом смерти запрещено… подходить ко мне. Вы ведь… сами это устроили, Ваше… Высочество. Разве нет?

Его слова вышибли воздух из её лёгких. Она оторвала ладонь от его щеки, ноготь впился в подушечку пальца. Каждое напоминание о *её* указах резало без ножа.

— Я всё исправлю. Клянусь, я всё изменю. Помоги мне… обопрись.

С титаническим усилием Килиана помогла ему подняться. Она была хрупкой, и вес пусть и истощённого, но взрослого мужчины едва не сбил её с ног. Она взвалила его руку себе на плечи. Кожа впитывала жар его тела и липкую кровь, стекающую с разбитого лица.

Александр, превозмогая агонию, старался не касаться её. Инстинктивно рвался прочь, но каждый шаг отзывался болезненной вспышкой.

Они медленно побрели к лестнице, оставляя за собой темные следы на каменном полу.

Когда они преодолели ступени и вышли в пустой коридор, Александр, тяжело дыша ей в висок, прохрипел:

— Зачем… вы это делаете? К чему… к чему этот спектакль? Хотите дать… мне надежду, чтобы потом раздавить ее… с еще большим удовольствием?

Этот вопрос обжёг Килиану. Она резко остановилась, едва не рухнув под его тяжестью.

— Нет! — выкрикнула она, и этот полный отчаяния звук разнёсся под сводами. Осознав, что их могут услышать, она повторила тише, с надрывом: — Нет… никогда больше.

Смятение Александра казалось почти осязаемым.

«Я не верю ей».

Но что-то в её голосе — выжженная, нечеловеческая мука — заставило его оставить эти слова при себе. Он слабо покрутил запястьем.

«Демоница шаг за шагом уничтожала человека, чья вина заключалась лишь в том, что он родился сыном предателя.»

Килиана чувствовала себя палачом, который очнулся с окровавленным топором в руках и увидел перед собой невинную жертву.

Вечность, оказавшаяся четвертью часа, привела их к дверям лазарета. Воздух здесь был пропитан запахом сушёных трав и лекарств. Из глубины покоев навстречу им вышел старый Ричард — целитель, чьи ласковые руки когда-то обрабатывали Килиане разбитые в детстве колени.

— Ричард! Ричард, молю вас, помогите! — горестный крик вырвался наружу вместе со слезами.

Старый лекарь оглядел её, затем едва держащегося на ногах Александра.

— Ваше Высочество, — произнёс он, скрещивая руки на груди. Его карие глаза смотрели сквозь Килиану. — Зачем вы здесь? Пришли показать плоды своего *труда*? Если хотите закончить начатое — сделайте это быстро. И подальше отсюда. Не мучайте парня.

Лекарь развернулся к двери.

— Ричард, я… я хочу спасти его, — твёрдо ответила Килиана.

— Спасти? — Невесёлый смешок. — Три года вы заставляли его пить яд, держали на морозе. А теперь хотите, чтобы я поверил в ваше милосердие? Доверие не возвращается по щелчку пальцев, принцесса.

Ричард прищурился.

Ему хотелось выгнать её, запереть дверь. Он слишком хорошо помнил, как последние три года они тайком, в темноте пробирались к Александру. Перевязывали гноящиеся раны, зная, что, если принцесса узнает — их повесят на крепостной стене.

— Я знаю, — Килиана сделала шаг вперёд, голос надрывался. — Я не прошу вас верить мне. Я прошу помочь ему. Если я снова проявлю жестокость — убейте меня. У вас есть яды, которые остановят сердце. Но сейчас… умоляю, спасите его.

— Мне запрещено касаться его, — тихо произнёс целитель. — Королевский указ.

— Я отменяю этот указ! Помогите ему, прошу вас… умоляю! Я дам вам всё, что угодно! Только спасите его!

Её рыдания стали надрывными.

Александр рядом с ней терял сознание — его тело обмякло, глаза закрылись.

— Я помогу, — Ричард шагнул вперёд, подхватил Александра с другой стороны. — Сюда, уложите его. Что произошло?

— Его рёбра… кажется, сломаны…

— Да помогут нам Боги, — пробормотал целитель, осторожно прощупывая бок юноши. — Лишь бы кость не проткнула лёгкое…

Они бережно опустили Александра на койку.

Он вытолкнул слабый, болезненный стон. На лбу выступила испарина, оливковая кожа приобрела землистый оттенок.

Ричард торопливо повернулся к рабочему столу, заставленному склянками и чашами. Он сорвал со стены пучок сушёного сонного мака и болотной мяты, бросил их в каменную ступку и принялся растирать пестиком. Добавив несколько капель настойки ивовой коры, лекарь залил смесь кипятком. Комнату наполнил резкий, землистый аромат. Процедив отвар через льняную ткань, Ричард перелил болотного цвета снадобье в глиняную чашу. Подойдя к постели, он приподнял голову Александра и влил лекарство ему между пересохших губ. Юноша судорожно сглотнул, закашлялся, но снадобье попало внутрь. Почти сразу его дыхание выровнялось, а напряжённые черты лица стали разглаживаться — дурман мягко окутывал разум, притупляя мучение. После этого Ричард осторожно разрезал остатки окровавленной рубахи.

Килиана рвано вздохнула, прижав ладонь к губам: вся левая сторона груди Александра представляла собой месиво из тёмных гематом, а под кожей чётко угадывался неестественный излом.

Лекарь осторожно надавил на кость. Александр резко дёрнулся и глухо вскрикнул даже сквозь маковый сон.

— Сломаны в двух местах, — процедил Ричард. — Нужно зафиксировать.

Он взял длинные полосы чистого полотна. Приподняв туловище Александра, Ричард принялся туго, виток за витком, стягивать его грудную клетку. Каждый оборот требовал предельной точности. Завязав узел под лопаткой и надев на юношу сухую рубаху, лекарь бережно опустил его на подушки и укрыл одеялом.

Ричард вытер руки влажным полотенцем и повернулся к Килиане. Выражение его лица оставалось суровым и уставшим.

— Ступайте, Ваше Высочество. Я позабочусь о нём.

— Я побуду с ним… совсем недолго, — тихо попросила Килиана. Она не смела посмотреть на лекаря, поэтому уставилась в темнеющее за окном небо.

Ричард замер. Он медленно перевёл взгляд с бледного Александра на принцессу.

Лекарь направился к выходу, но у самого порога обернулся:

— Я скоро вернусь, Ваше Высочество.

Когда дверь за лекарем закрылась, Килиана аккуратно опустилась на край койки Александра. В полумраке палаты его лицо казалось совсем юным и измождённым.

— Прости, — едва слышно сказала она, пряча руки в подоле платья. — Это сделала я. Мои руки… Мой голос… Хотя я ничего не помню. Я чувствую себя чудовищем. Я так боюсь, Александр… Боюсь, что ты и люди никогда не сможете посмотреть на меня без ужаса. Но я обещаю: я верну тебе всё, что у тебя отняли. Даже если мне придётся отдать за это свободу… или жизнь.

Когда Ричард вернулся с новыми бинтами, Килиана поднялась и тихо выскользнула из палаты, чтобы не мешать лекарю своим присутствием.

Тяжёлые дубовые двери лазарета тихо закрылись за спиной Килианы. Она прислонилась спиной к каменной стене коридора, дыхание выходило неровным, надрывистым. В ушах всё ещё стоял хриплый голос Александра, просивший не прикасаться к нему. Лицо, полное выжженного отвращения, какого она не видела даже у приговоренных к смерти. Запах крови, сырости и травяных отваров, разъедал нос, впитывался в её кожу и платье.

Она медленно прошла в свои покои. Серебряные канделябры, тёмно-синие гобелены, мягкие ковры — всё было чужим, принадлежащим той, другой Килиане. Демонице, искалечившей жизни людей её руками.

Килиана подошла к зеркалу, и оно встретило её тишиной.

Принцесса медленно провела кончиками пальцев по очертаниям лица в отражении, остановилась около глаз. В тусклом свете комнат её глаза — один чёрный, второй синий — смотрели на неё с отвращением.

Килиана отступила: из стекла на неё смотрела не она, а кто-то, кого она уже успела возненавидеть.

— Что же мне делать?.. — прошептала она в пустоту, и в тишине комнаты искаженный голос резал слух.

Первые три дня Килиана провела в заброшенной библиотеке западного крыла, вдыхала запах старой бумагой и увядания. Килиана забиралась на самый верх деревянных лестниц, прислонявшихся к книжным шкафам.

Её пальцы, покрытые многолетней пылью, переворачивали страницы трактатов по демонологии, древней магии и истории Офелии. Она часами листала тяжёлые фолианты, выискивая имя «Морриган» и любые упоминания о последствиях одержимости.

— Одно и то же! Летописцы описывают только, как демоны подчиняли себе волю смертных, заставляя их совершать зверства!

«Сосуд, принявший тьму, обречён на выгорание. Душа истончается, пока не исчезнет вовсе», — гласила строка в одном из манускриптов.

Килиана с силой захлопнула книгу. Облако пыли заставило её закашляться.

— Нет. Я не исчезну.

Библиотека должна была хранить историю её проклятия, но не давала ключа к спасению.

— Здесь нет ничего полезного.

На четвёртый день она вызвала управляющего дворцом Бернарда, и главную экономку Марию. Оба стояли, опустив головы. Их плечи были напряжены, а глаза метались между полом и сцепленными пальцами. Они слишком хорошо помнили «забавы» принцессы.

— С этого дня правила меняются, — властно произнесла Килиана. — Я отменяю любые телесные наказания для слуг. За проступки будут назначаться вычеты из жалования, но никто больше не посмеет поднять руку на челядь.

Бернард медленно поднял глаза. Прищурился:

— Как прикажете, Ваше Высочество... Нам подготовить списки тех, кто нарушит правила, чтобы вы могли *лично* оценить их проступок?

— Это не ловушка, Бернард. Это закон.

— Мы видим ваши попытки, Ваше Высочество, — тихо сказала Мария. — Мы подчинимся. Но, не думаю, что люди побегут благодарить вас за милосердие, которое завтра может обернуться плахой…

— Кроме того, увеличьте пайки для тех, кто работает на кухне и в прачечных. В их каморки доставьте сухие одеяла из запасов, а младшим слугам сократите рабочие часы.

Управляющие поклонились и ушли.

Принцесса вышла на балкон. Внизу, на внутреннем дворе, слуги занимались своими обычными делами. Она видела, как они шептались, как испуганно оглядывались на её окна.

Слухи о «милости» принцессы разлетались по дворцу со скоростью лесного пожара. Придворные строили заговоры, подозревая её в безумии или коварной политической игре, а простые прачки и конюхи принимали её указы с затаенным дыханием, боясь проснуться и обнаружить, что всё это было сном перед очередной казнью.

Каждый вечер Килиана возвращалась в лазарет.

Официально — чтобы следить за состоянием жениха. На деле её тянуло туда чувство вины.

Старый лекарь Ричард поначалу встречал её сурово: гремел склянками и отвечал отрывисто. Но Килиана не приказывала и не угрожала. Она садилась в угол и молча наблюдала, как он промывает раны Александра и накладывает бинты.

— Почему вы добавляете болотную мяту? — тихо спросила она на пятый день.

Лекарь помедлил, взвешивая, стоит ли отвечать, но всё же буркнул:

— Она успокаивает лихорадку. Без неё раненый будет метаться, и сломанные рёбра сместятся.

Позже Ричард стал вслух комментировать свои действия, а Килиана жадно впитывала знания о травах и бинтах. Ей казалось, что если она научится лечить тела, то сможет хоть немного искупить содеянное.

На шестой день Александр пришёл в себя.

Стоило ему открыть глаза и увидеть Килиану, как его тело судорожно напряглось. Дыхание стало частым, а светло-зелёные, с карими крапинками, глаза расширились.

Он не произнёс ни слова, но сжатые кулаки и каменеющие плечи говорили за себя.

Килиана выпрямилась, отступила.

— Он пришёл в себя, Ричард, — сказала тихо и вышла.

На следующий день она вернулась с подносом, на котором стояла чашка с лёгким бульоном. Александр лежал, прислонившись к подушкам. Лицо его было бледным, а взгляд — цепким, следящим за каждым движением её рук.

— Доброе утро, Александр, — произнесла она. — Ричард говорит, тебе лучше. Я принесла бульон.

Бульон ходил волнами в чашке, когда она ставила поднос на тумбу. Килиана осторожно протянула руку, чтобы проверить, нет ли жара. Александр резко дёрнулся назад. Сломанные рёбра ломило, он загнанно задышал:

— Не… не трогайте.

— Я не хочу причинить тебе вред, — отчаянно выдохнула Килиана. — Пойми же! Это была не я!

— Да… конечно, — Александр саркастично усмехнулся. — Не вы. А кто? Вы сами это придумали? Чтобы веселее было смотреть, как я ползаю?

Килиана высоко подняла голову, глаза жгло от подступающих слёз.

— Отравили? — Он посмотрел на чашку. Слова раздражали связки.

— Если бы я хотела тебя убить… не тащила бы из подвала через весь дворец! Поешь. Или вылей.

На следующий день она принесла сборник старинных баллад.

«Надеюсь, книга станет менее опасным поводом для разговора.»

Александр глянул на переплёт, затем на неё:

— Мой отец часто читал мне баллады, — тихо произнёс он. — Но его отправили на плаху. И вы были частью этого.

— Я знаю, — прошептала Килиана. — И я знаю, какую боль причинила тебе лично.

— Вы думаете, в эти сказки можно поверить? — голос Александра оставался хриплым. — Я помню ваши глаза, когда вы отдавали приказы. Я помню ваш смех. И теперь вы хотите, чтобы я поверил?

— Я не прошу доверия, Александр. Я просто хочу исправить то, что могу.

— Некоторые вещи не подлежат исправлению, принцесса. И вы это знаете.

Он отвернулся к стене. Килиана оставила книгу и тихо вышла.

Новость о новых указах принцессы разнеслась по двору мгновенно. И в ту же неделю в коридорах дворца началось движение: знатные лорды стали собираться в группы.

Лорд Райнор подошёл к Килиане во время её выхода в галерею.

— Ваше Высочество, — начал мягко. — Вы занялись заботой о народе, и это похвально. Однако договоры и брачные контракты требуют гибкости. Срыв помолвки с Александром Ридом подаст дурной пример вассалам. Не лучше ли официально расторгнуть союз и рассмотреть более достойную партию?

Остальные лорды за его спиной поддержали предложение тихим гулом.

— Публичное примирение с сыном предателя подрывает устои короны. Александра следует либо изгнать, либо казнить. — прошептал кто-то сбоку.

Килиана выслушала их с гордо поднятой головой, её голос прозвучал твёрдо:

— Ни один мой указ не станет предметом торга. Помолвка с Александром была решением короны, и расторгать её ради чьих-то аппетитов я не намерена.

Лорд Райнор чуть сузил глаза:

— Не всякое милосердие означает мудрость, Ваше Высочество. Двор помнит, кто держит реальные рычаги власти.

Они поклонились и удалились. Она смотрела им вслед.

«Теперь бороться не только с прошлым, но и с этими снобами».

Глава 4

Раскрытие тайны

23 мая 1021 г.

Она шла по кухонному коридору почти незаметно, тихо ступая вдоль тёплых стен, пахнущими свежей выпечкой. Тишину нарушали мерные разговоры поварят и слуг, ритмичное постукивание ножей о доски и редкое грохотание кастрюль.

Мэри стояла у дверей кладовой, и когда принцесса остановилась, служанка так крепко сжала края полотенца, будто пыталась вплести слова в ткань:

— Ваше Высочество, — прошептала Мэри, — они говорят у очага, на лестнице… Что вы сделали — люди шепчут от облегчения. — В голосе слышалась тихая благодарность.

Килиана плавно присела на край низкой скамьи.

Она видела синяки под глазами на осунувшихся за годы лицах. Испещрённые мелкими порезами и мозолями трясущиеся руки конюхов, прачек, старых поваров — тех, кого когда-то вышвырнули по её прихоти.

Когда Морриган приходила с приказом карать, ей служили распахнутые в отчаянии глаза и долгие вздохи; теперь же плечи этих людей опустились, сбросили трёхлетнее напряжение. К глазам прилил прежний цвет и блеск.

Один из младших лакеев, Лука, опустил голову, как принято перед господами, но губы его дрогнули, и он произнёс громче, чем думал:

— Мы думали, что нас забыли. Теперь… теперь кто-то снова смотрит в нашу сторону. Не бойтесь, — добавил он, заметив напряжение на лицах, — я буду первым, кто встанет у ворот, если кто осмелится тронуть господина Александра.

Взгляд Килианы смягчился. В середине груди разлилось мягкое тепло, она прикрыла глаза и прижала руки к груди.

Александр мирно дремал, погруженный в убаюкивающую и безмолвную тишину. Остался только он, жжение прошло, позволяя вдыхать полной грудью. В голове мелькали вопросы.

«Что значило «это не я»? Почему это звучало так искренне? Почему её мольбы казались настоящими? Она раньше никогда не просила прощения. Не защищала и не умоляла. Никогда не приносила еду и книги. Никогда не помогала и не заботилась. Она никогда не плакала.»

Сознание Александра ускользало. Сумрак медленно залил мысли, принося прохладу и слабую заживляющую заботу. Время потеряло всякий смысл. Быстрыми всполохами разум снова прояснился, и вопросы о поступках Килианы затуманили разум.

Сквозь толщу темноты доносились птичьи трели, тихие голоса людей, запах спирта и лечебных трав. Вечерний ветер ласкал раскалённую от лихорадки кожу, принося облегчение.

Когда Александра «отдали» принцессе он думал, что спасён, ведь все знали о доброте Её Высочества. Но Боги быстро убедили его в обратном.

26 декабря 1019г.

Наледь покрыла дальний угол камеры. Солома подстилки застыла, превратилась в ледяной настил. Воздух изо рта выходил плотными белыми клубами пара, а ресницы и брови побелели, покрылись хрупким слоем инея.

Александр сидел около обжигающих спину решёток, подальше от обледенелой стены. Его руки безвольно тянулись за прутья решётки. Туда, к крохам тепла, что исходили от печки стражников. Губы давно посинели, а кожа потеряла всякий цвет.

— Греешься, гадёныш? — Нога стражника с одурью наступила на пальцы Александра. Сдавленный стон эхом оттолкнулся от мёрзлых стен.

Резкий, сотрясающий воздух, смех сменился стуком каблуков по каменному полу.

«Это она.»

— Ну погрейся, любимый. С днём рождения… — за её шёпотом последовала агония. Лёгкие сжались без возможности сделать вдох. Горячая вода вылилась на его замёрзшее тело. На краткий миг действительно стало тепло.

Она поощряла тех, кто унижал его, благословляла их на новые издевательства.

3 июня 1020 г.

Александр лежал в ближайшей к подвалам комнате. Стены давно поела плесень, выедала и без того сырой воздух. Из длинных порезов на его теле сочилась кровь, разбавляя запах гнили запахом металла.

Ричард пришёл тайно, ночью.

— Сынок, это всё что я могу. — В руки Александра легла баночка тёплой мази. — Вотри в раны. Станет полегче. А это… Пей почаще, маленькими глотками. Гадкое, но мощное. — Ричард протянул маленькую склянку с темной густой жидкостью. — Я не могу тебя заштопать, ты и сам знаешь... Крепись, сынок. Да благословят тебя Боги.

Каждый раз Ричард жалостливо оглядывал пленника, тянул к нему руку, но тут же опускал…

Сознание снова померкло.

— Давай… Пора с ним заканчивать, — басистый голос вырвал его из воспоминания.

— Открой ему рот, быстрее! — Прошептал кто-то гнусавым голосом.

В нос ударил едкий запах пота и терпкой смолы, рот наполнился желчью.

Мозолистые пальцы с силой схватили его за челюсть так, что что-то хрустнуло; кожа грубых пальцев оставила саднящие следы.

Он пытался вырваться, сглотнуть, укусить — в ответ ему вливали в рот густую, маслянистую жидкость. По глотке хлынула её горечь.

«Сонное снадобье».

Что-то плотное прижалось к лицу. Лишило его воздуха и возможности издать звук.

Из последних сил Александр оттолкнул от себя нападавшего, попытался вглядеться в размытый силуэт. Но руки были словно стальные оковы. Оглушающая горечь расползалась по телу, замедляя и утяжеляя каждое движение.

«Если не проглочу — захлебнусь», — и вместе с этой мыслью — обрывающаяся цепочка писем, на которые он так и не успеет ответить.

Январь 1021 г.

Тихий стук в дверь, свиток, спрятанный в корзине с бельём. Свеча, бросающая тёплый круг света на пергамент. Он разворачивает свиток и читает слова, что рушат прежний мир и открывают дверь в новый. Александр перечитывает строки письма снова и снова, пока буквы не начинают расплываться перед глазами.

«Александр — это сообщение — ключ к Вашему прошлому и будущему. Вы законный наследник Марсеи: при рождении, во время кровопролитной гражданской войны, вас передали на воспитание Феликсу Риду. К сожалению, только теперь, после казни Феликса, появилась возможность раскрыть вам правду. Знайте: Ваши верные подданные ждут вас. Вас ждёт дом.»

Законный наследник Марсеи. Бумага в его руках трепыхает.

«Я — принц? Наследник престола? Все двадцать пять лет… вся моя жизнь была ложью! — Александр с силой ударяет по гнилому столу, от чего в разные стороны летят

щепки. — Ирид Роддс знал это? Он знал, кого бросает в подвал, кого отдает на растерзание своей обезумевшей дочери?»

Вместе с гневом приходит и липкая, парализующая оторопь. За эти годы он привык быть жертвой, привык выживать в грязи.

Корона Марсеи кажется ему непосильной ношей, призраком из жизни, которой он никогда не знал.

«Смогу ли я вести за собой людей, когда моя собственная жизнь прервётся в любой миг? — думает он, глядя на свои израненные руки. Этот секрет становится его единственным оружием, но и его самым тяжелым бременем. — Если бы рядом был отец, он бы смог дать мне совет…»

В груди теплеет при воспоминаниях о Феликсе — человеке, который был ему отцом. Шок и благодарность смешиваются с горечью.

Феликс воспитывал его как родного, и только он знал правду.

Александр перечитывает фразы снова и снова, пытается втиснуть новые факты в старую жизнь.

Июнь 1012 г.

Запах смолы, треск сухих ветвей на охоте. Отец с доброй, почти детской улыбкой, обещавшей долгую жизнь. Пустота, куда ушла мать, её мягкий шарф, оставшийся на стуле.

15 мая 1018 г.

Его ловят, приводят в тронный зал и отдают принцессе, как вещь. Её убийственная улыбка, прикосновения, которые были угрозой. Изощрённые мучения, что ломали тело, но не уничтожали душу.

Всё это свалилось на него сейчас одним грузом. Тяжесть отравы, скользящие покрытые потом руки, и чувство невесомости.

Острое лезвие вонзилось под заживающие рёбра. С влажным звуком разошлась плоть. Горячая кровь, уже замедленная действием снадобья, выплеснулась струёй.

— Ричард! — Голос принцессы был до смешного визгливым.

Шаги девушки отбивали чечётку то в одном углу комнаты, то в другом. Взгляд метался по гобеленам, постели, столу и не задерживался ни на чём одном. Губы пересохли, но вода не избавляла от сухости. Килиана продолжала кружить из стороны в сторону. Она то запиналась о ковёр, то врезалась в стол и стулья. Плечи дергались, руки цепляли волосы, грозя выдрать их с корнем.

«Надо подышать.»

Килиана вышла на балкон и подставила лицо ветру, остужающему разгорячённую кожу.

Солнце уже клонилось к горизонту, и сгущающиеся сумерки отбрасывали тень на её душу.

Сердце не просто стучало — оно хаотично и больно колотилось прямо в кадык, заглушая пение птиц. Сознание забилось у самых стенок черепа, а руки сводило судорогой. Что именно мучило её сильнее: годы, безвозвратно украденные из жизни; жестокая правда, сорвавшаяся с губ отца; или то, что она своими руками сделала с Александром?

«Слава Богам, я смогу избежать замужества. А Александр… в изгнании у него хотя бы будет шанс спастись. Он не заслужил участи игрушки в руках богов. Тех самых, кому все привыкли молиться, пока они уничтожали его, с помощью чудовища, моими руками.»

Килиана подошла к зеркалу, затем вгляделась в собственное отражение. Оно кривило губы, морщило нос и щурило проклятые глаза.

Где-то в глубине души она надеялась увидеть ту демоницу, что жила в её теле, — ей отчаянно хотелось понять её мотивы и цели.

Демоница не появлялась.

Килиана отпрянула от зеркала. За окном стемнело, и только теперь она заметила, что стоит среди тёмной пустой комнаты. Ведомая неумолимым зовом, Килиана сорвалась с места и бросилась в сторону лазарета, не глядя на дорогу в сумерках коридоров.

Когда девушка замерла у дверей палаты, лёгкие жгло, а колени тряслись. По ту сторону двери было подозрительно тихо. Она рывком распахнула дверь.

На лице Александра лежала тяжёлая подушка, а рубашка, что ещё несколько часов назад была чистой, пропиталась багровой кровью.

«Кто-то был здесь.»

Она осталась наедине с умирающим Александром. Его кровь продолжала медленными толчками покидать тело. Желудок сжался, а в глазах щипало от подступивших слез.

Она отбросила дурноту и отчаяние. Из горла вырвался крик, который, казалось, должен был поднять на ноги весь дворец:

— Ричард! Скорее сюда!

Килиана рывком скинула подушку с лица Александра, схватила чистое полотенце. Судорожно вспоминая уроки Ричарда, изо всех сил прижала ткань к ране.

Она навалилась на Александра и начала возносить молитвы всем богам, чьи имена всплывали в сознании.

— Молю, не дайте ему умереть… Он перенес достаточно. Хватит с него боли. Прошу, пожалуйста, молю… — её шепот срывался, превращаясь в неразборчивое причитание.

В палату вихрем ворвался Ричард, почти срывая дверь с петель.

Глаза худощавого лекаря, еще затуманенные сном, метались по комнате. Казалось, он пытался разглядеть врага, который нарушил покой его подопечных.

— Ваше Высочество, что вы здесь делаете? — его лицо исказила гримаса недовольства.

— Ему… ему нужна помощь. На него напали, — Килиана еле выдавила эти слова. Она смотрела куда угодно, но ни на грудь Александра, ни на его лицо.

Лекарь проследил за её жестом и от лица мгновенно отхлынули краски. Он вмиг отбросил сонную вялость и недовольство. В один прыжок Ричард оказался у кровати. Выхватил льняные ленты и оттолкнул Килиану. Он скомкал их и навалился всем весом, пережимая рану и останавливая кровотечение.

— Вира! Летти! — вопль Ричарда заставил стёкла в окнах дрожать и звенеть.

Помощницы примчались почти мгновенно, прямо в ночных рубашках и с растрепанными косами. Их серые глаза испуганно расширились, а лица исказились, едва они почуяли металлический запах крови.

— Вира: иглы, ланцеты, шелк и спирт! Летти: кровоостанавливающее и обезболивающее! Живо! — рявкнул Ричард.

Помощницы вылетели из палаты. Вернулись через мгновение с подносами со всем необходимым. Инструменты громко звякнули, когда поднос поставили на стол.

— Ваше Высочество, — Ричард нервно сглотнул, не отрываясь от кровотечения, — Его нужно раздеть.

Пальцы Килианы лихорадочно пытались расстегнуть пуговицы на рубашке Александра, но они не поддавались. Покрытые кровью пальцы скользили. Каждая секунда казалась вечностью, время уходило. С рыком она вцепилась в ворот рубашки и одним движением разорвала ткань.

Ричард действовал быстро, его движения утратили сонливость. Спирт ошпарил края раны — резкий запах ударил в нос, на мгновение перебив тяжелый запах меди. Килиана повиновалась короткому жесту лекаря. Мертвой хваткой вцепилась в плечи Александра, который и без того лежал неподвижно.

— Зажим! — скомандовал Ричард.

Вира мгновенно вложила инструмент в его протянутую ладонь. Лекарь осторожно раздвинул края раны под ребрами, ища источник кровотечения. Александр рвано вздохнул. Килиана не разжала пальцев и продолжила шептать бессвязные мольбы.

— Глубоко вошел, проклятый, — пробормотал Ричард, вытер пот со лба окровавленным предплечьем. — Шелковая нить!

Летти подала иглу и нить. Тонкий шелк проложил путь сквозь плоть. Килиана с замиранием наблюдала, как стальная игла раз за разом пронзает бледную кожу и стягивает края растерзанной кожи и мышц. Каждый стежок отзывался резью в её собственном теле, словно шили по живому полотну её души.

В палате воцарилась тишина, нарушаемая прерывистым хрипом раненого и лязгом металла о поднос.

Ричард работал размеренно, его руки были тверды, как камень. Когда последний узел был затянут, он выдохнул и отстранился. Под ребром Александра остался аккуратный, но зловещий ряд черных швов.

— Теперь только ждать, — негромко произнес лекарь, протирая руки ветошью. — Если сердце выдержит до утра — он вернется.

Килиана смотрела на свои окровавленные ладони. Их покрывала кровь человека, которого она обещала спасти. Её плечи опустились, и она села на самый край стула.

Несмотря на настойчивые протесты Ричарда, Килиана осталась в лазарете. В конце концов целитель оставил тщетные попытки отправить её в покои. С первыми лучами солнца его ждали другие пациенты.

Она просидела у постели Александра до самого рассвета. Она надеялась своим присутствием выкупить прощение за тот вред, который причинила ему — пусть и не по своей воле.

— Ты будешь свободен, Александр, — прошептала Килиана. — Больше никто не навредит тебе. Я запрещу кому-либо приближаться к тебе. Я найду тех, кто это сделал. Я знаю, что содеянное не исправить. Но я сделаю всё. Слышишь? Я сделаю всё, чтобы облегчить твою жизнь. Скоро… всё закончится. Всё изменится, вот увидишь. Ты сможешь начать новую жизнь.

Она сидела на стуле, не сводя глаз с собственных ладоней. Кровь засохла в складках кожи, стягивала её. Внутри, где-то за ребрами, снова шевельнулось то самое жгучее тепло. Во рту появился привкус пепла.

Она смотрела на едва заметное движение одеяла на груди Александра, отмеряла каждый его вдох своим собственным.

Солнце поднялось высоко, когда в палату вошла Мэри с подносом в руках. Она по-прежнему немела и бледнела в присутствии Килианы, но, увидев госпожу, замерла. Перед ней сидела оболочка прежней принцессы: изможденная, разбитая, с красными от слез глазами.

— Ваше Высочество? — голос служанки дрогнул.

Килиана медленно повернула голову. В её выражении больше не осталось ни высокомерия, ни пугающей жестокости, что терзала дворец последние годы.

— Мэри… Доброе утро, — негромко произнесла Килиана. Её хриплый и надтреснутый голос, срывался.

Принцесса снова отвернулась к Александру и перестала замечать служанку.

— Вы ничего не ели со вчерашнего дня, — заговорила служанка. — Вам нужны силы. Прошу, подкрепитесь.

— Спасибо, Мэри.

Эта простая фраза окончательно выбила почву из-под ног служанки. Ей стало по-настоящему жутко: *что* могло так в одночасье переменить её госпожу?

— И ещё, Мэри. Созови всех. Через двадцать минут.

Мэри почтительно склонилась. Её взгляд зацепился за стеклянный флакон, закатившийся в тень под кроватью Александра. Мутный налет на стенках склянки показался ей знакомым, и что-то внутри женщины тревожно екнуло.

— Я всё исполню, Ваше Высочество. Кажется, под кровать что-то упало… Позвольте, я достану?

— Хорошо, достань.

Килиана подняла серебряный клош. На тарелке лежал ломтик еще теплого пшеничного хлеба, кусок нежного козьего сыра и горсть прозрачного винограда. Аромат свежей еды вызвал в желудке болезненный спазм. Хлеб и сыр не приносили вкуса, тёплой глиной падая в желудок. Она отпила тёплый чай и её губы дрогнули.

— Ваше Высочество…

— Что такое, Мэри?

— Эта склянка… В ней было сонное снадобье, — голос служанки звучал неуверенно.

— Откуда она здесь?

— Не могу знать, Ваше Высочество.

— Хорошо. Я спрошу у Ричарда, давал ли он что-то ещё Александру. Ступай, созывай людей. Я скоро буду.

Мэри поклонилась и выскользнула за дверь. Девушка посмотрела на Александра, его грудь медленно вздымалась. Она прижалась к его впалой щеке ладонью.

«Просыпайся…»

Килиана подошла к порогу и выглянула в коридор. Из некоторых палат раздавался тихий смех и разговоры. Мимо сновали помощники лекаря с бинтами и тазами. Среди них она заметила одну из близнецов.

— Вира, можно тебя на пару слов?

Девушка едва не пробежала мимо. Она резко затормозила и склонилась в неуклюжем реверансе.

— Доброе утро, Ваше Высочество! Что-то не так? Александру плохо?

— Нет-нет, всё в порядке, — губы тронула слабая улыбка. Это мимолетное проявление мягкости настолько ошеломило Виру, что она на секунду лишилась дара речи. — Позови, пожалуйста, Ричарда.

Девушка быстро кивнула и бросилась в сторону кабинета.

Лекарь не заставил себя ждать. Несмотря на тяжелую ночь, он выглядел бодрым и собранным. Будто не он несколько часов назад отчаянно боролся за жизнь пациента.

— Ваше Высочество, доброе утро. Вам нужна помощь? — Ричард остановился перед ней, внимательно изучая её лицо.

— Да… то есть, нет… не совсем, — Килиана кратко вдохнула. — Мне нужно ненадолго отлучиться. Ричард, пусть за Александром присмотрят. Он не должен оставаться. — Она неопределенно повела рукой в сторону палаты, словно этим жестом пыталась оградить раненого от всех незримых угроз. Ответственность давила на её плечи.

— Разумеется, — спокойно ответил лекарь. — Ступайте, Ваше Высочество. Вам и самой не мешало бы хоть немного отдохнуть.

— Спасибо, Ричард. — Килиана благодарно улыбнулась — так искренне, как не улыбалась уже очень давно, — и стремительно направилась в сторону зала приемов.

— Всё страньше и страньше… — пробормотал Ричард себе под нос, глядя на её решительную фигуру. В его глазах смешались крайнее замешательство и робкая, еще неокрепшая надежда.

Килиана отправилась на собрание, где её уже ждали.

— Я собрала вас всех, чтобы положить конец тому, что происходит в этих стенах, — голос Килианы разнесся по залу.

Толпа замерла. Слуги и придворные нервно переглядывались, привычно ожидая приказа о казнях или новых наказаниях. Воздух в зале казался тяжелым, словно само время затаило дыхание.

— Я признаю, что до недавнего времени поощряла издевательства над моим суженым, Александром, — каждое слово она чеканила твердо. — Отныне же, я запрещаю кому бы то ни было касаться его с дурными помыслами. Запрещаю оскорблять и унижать. — Взгляды сотен людей впились в её кожу. — И еще… я хочу принести извинения за каждую пытку и каждое несправедливое наказание, которым вы подверглись по моей воле. Я была… не в себе. Я искренне и от всего сердца прошу прощения у каждого из вас.

В зале повисла тишина. Люди застыли. Кто-то огляделся, кто-то вскинул брови. Некоторые приоткрыли рты. Килиана стояла перед ними, чувствуя свою уязвимость, и эта неловкая пауза грозила обернуться катастрофой.

В толпе послышался тихий ропот, кто-то из придворных покачал головой. Один из стражников, стоявший ближе всех, сжал кулаки и сузил глаза.

Из глубины зала раздался скрипучий голос лорда Элвина, известного своей прямотой:

— Ваше Высочество, Вы, безусловно, можете меня казнить за мои слова, но… — начал он, — мы слышали подобные клятвы и раньше. Мы видели, как вы наслаждаетесь нашими страданиями. Как мы можем верить, что это не повторится? Какие доказательства вы можете нам предоставить?

Она не отвернулась. Она подняла руки, показала ладони. Её голос слегка осип:

— Я понимаю ваши сомнения, лорд Элвин. И я не прошу вас верить мне на слово. Я прошу вас дать мне шанс доказать это своими поступками. Начало уже положено, дальше–больше. Я не помню этих лет, но чувствую боль каждого из вас, словно свою собственную. Я начала с того, что восстанавливаю справедливость. Все, кто был несправедливо наказан, получают возмещение. Те, кто был изгнан по моей воле, будут возвращены. И я лично буду следить за тем, чтобы ни один подданный не страдал. Дайте мне время, и, я докажу, что Килиана, которую вы знали три года, исчезла, а та, которую вы знали прежде, снова с вами.

И тут Мэри сделала шаг вперед.

Её лицо было бледным, но решительным. Она медленно опустилась на колени. Женщина прижала левую руку к сердцу, а правую положила на плечо — старейший знак глубочайшего почтения и прощения. За ней, один за другим, сперва нерешительно, затем с пробуждающейся уверенностью, этот жест повторили остальные слуги. Придворные увидели это и тоже начали склоняться.

— Прежде чем вы вернетесь к своим обязанностям, я хочу получить чистосердечное признание тех, кто причастен к случившемуся этой ночью в лазарете. Виновные могут подойти ко мне позже и лично во всем признаться. Рано или поздно я узнаю правду. Сейчас у виновных есть шанс оправдаться. Я жду час, не более. Можете быть свободны.

По залу пронесся гул облегчения и впервые за долгое время Килиана увидела на лицах людей слабую надежду. И этого было достаточно. Дышать стало легче, словно вместе с этой толпой от неё отступила сама мгла, освободила место для вдоха.

Килиана ненадолго вернулась в свои покои. Прохладная вода смыла с кожи липкую тревогу ночи и запах крови, но не смогла унять дрожащие руки.

Она сменила тяжелое, сковывающее движения платье на просторный наряд из тонкого белоснежного льна. Платье мягко ниспадало до самых щиколоток, широкие рукава дарили свободу. В глубоких карманах, скрытых в складках юбки, было удобно прятать мерзнувшие пальцы — или ту самую пустую склянку.

В дверь постучали.

Девушка открыла дверь и увидела перед собой двух слуг. Тех, кто избивали Александра в подвале.

— Ваше Высочество! — Удар их колен о пол больно отозвался в костях самой Килианы. — Мы согрешили! Умоляем, не казните.

— Ночью. В лазарете. Это были вы?

— Да…

— К вечеру вы должны покинуть Офелию. Иначе изгнание коснётся ваших семей. Оно станет позором на весь ваш род.

— Мы поняли, Ваше Высочество.

Килиана захлопнула дверь. Её трясло всем телом, и она осела на пол.

«Я хочу уничтожить их голыми руками! Несчастные гады! Жалкие падальщики!»

Щёки горели. Килиана рывком подошла к столу.

Ваза с белоснежными розами разлетелась на осколки, лепестки закружились.

Флакон с персиковым маслом разбился о пол. Комнату заполнил тошнотворно-приторный запах.

Тяжёлое сапфировое ожерелье разбило окно в дребезги.

Резной столик лежал в углу со сломанной ножкой.

Килиана вернулась в лазарет и едва не налетела на Ричарда. Старый целитель замер, озадаченно разглядел принцессу, а затем перевел тяжелый взгляд на кровать Александра.

— Он в порядке? — Килиана тоже изучала юношу, но он оставался всё таким же неподвижным и бледным.

Ричард тяжело вздохнул, сжал переносицу.

— Тело справляется, Ваше Высочество. Рана чистая, края начинают стягиваться, а сердце бьется ровно и сильно, как у здорового человека. Но… он не просыпается. Его сознание словно заперто где-то глубоко внутри.

— Быть может, всё дело в сонном снадобье? — тихо спросила Килиана.

— Сонном снадобье? — Ричард вскинул голову, и морщины на его лбу прорезались глубже. — О чем вы говорите? Я не давал ему ничего, кроме укрепляющего отвара и мака для снятия боли. Слишком сильный сон сейчас мог бы остановить его сердце навсегда.

Килиана медленно запустила руку в карман платья, нащупала гладкое стекло флакона. Сквозняк колыхал подол платья, по коже пробежал неприятный озноб. Девушка медленно извлекла из кармана флакон и протянула его лекарю. Прозрачное стекло тускло блеснуло в дневном свете.

— Мэри нашла это под кроватью Александра, — голос её звучал глухо, словно она говорила из-под воды. — Я думала, что это ваших рук дело… что вы хотели...

Ричард нахмурился, выхватывая склянку. Он осторожно поднес её к лицу, вгляделся мутный налет на стенках, словно пытаясь по невидимым следам вычислить того, кто держал её последним.

— Я не давал ему ничего подобного, Ваше Высочество, — отрезал он и в его голосе прорезались суровые нотки. — В его нынешнем состоянии такое снадобье — смертельный яд! Оно слишком сильно угнетает дыхание и замедляет ток крови, погружая человека в глубокое забытье, из которого нет возврата. Мы используем его в крайних случаях, когда боль невыносима. Но даже тогда… — он замолчал, и его глаза невольно переместились на Александра. — Даже тогда мы знаем, что это путь в один конец. Человек просто засыпает… навсегда.

Килиана почувствовала, как кровь отливает от лица, а ладони становятся влажными. Реальность, в которой Александра не просто хотели убить, но и лишили всякого шанса спастись и позвать на помощь, обрушилась на неё.

С её побелевших губ сорвался вопрос, ответ на который она отчаянно боялась услышать:

— А есть ли способ вывести его из этого состояния? — в голосе Килианы затеплилась надежда, хрупкая, как первый лед.

— Нет, Ваше Высочество. Это невозможно. Снадобье уже впиталось, подчинив себе его разум и плоть, — Ричард погрузился в тяжелые, мрачные раздумья.

— Значит, он…

— Боюсь, ему осталось недолго.

Скорбная маска легла на загорелое лицо седовласого лекаря, в одно мгновение сделав его старше и беспомощнее.

— Оставьте меня, Ричард… Пожалуйста, — прошептала Килиана, низко склонив голову. Лекарь не увидел слезу, которая упала с её ресниц.

Мужчина на мгновение задержал руку на её плече.

— Печаль — предвестница забытых богов, что вечно играют судьбами смертных. Они открывают перед ними тайные тропы лишь для того, чтобы в самом конце пути захлопнуть дверь перед их носом.

Он качнул головой и тихо покинул палату, оставляя принцессу наедине с угасающим Александром.

С каждым шагом Килиана всё острее чувствовала пугающую легкость в теле — сознание плыло, а рот наполнился слюной. Она медленно приближалась к нему — к человеку, который был связан с ней не только её клятвой, но и общей трагедией. Она не желала видеть в нем мужа, но обещала быть его щитом до самого конца. В этом новом, страшном мире Александр мог бы стать её единственным другом, союзником, способным разделить её бремя.

Килиана бессильно опустилась на край койки. Сердце в груди билось так неистово, словно пыталось проломить ребра.

Лицо Александра оставалось безмятежным. С него исчезла вся ненависть и презрение. Сжатые губы расслабились, морщинки в уголках глаз разгладились. Его грудь мерно вздымалась. Он всё еще боролся, его тело отказывалось сдаваться, вопреки приговору лекаря и стараниям убийц.

Ослабевшими пальцами она сжала его прохладную ладонь и реальность вокруг начала рушиться.

На периферии зрения заклубился черный туман, густой, как чернила. Холодный, как лёд. Он стремительно пожирал пространство, стирал стены лазарета и солнечный свет. Туман сомкнулся вокруг неё плотным, непроницаемым коконом, отрезая от мира.

«Я останусь с тобой. Я останусь твоим якорем в этом мире. Только живи, Александр…»

Черный туман рассеялся так же внезапно, как и возник. На языке остался легкий привкус пепла. Но за ним не последовало ни стен лазарета, ни утреннего солнца.

Тело парило, не ощущая никакой опоры. Её окружала чернильная пустота, бесконечная и глубокая.

И вместе с этим пришло странное: отчаяние и тревога, успевшие пустить глубокие корни в её жизнь, начали таять. Они отступали под натиском всепоглощающего безмолвия. Впервые со дня смерти матери принцессу окутал такой чистый покой, что всё произошедшее ранее казалось далеким, незначительным шумом.

«*Так хорошо… Так тихо…*»

Килиана сделала шаг в воздухе. Стоило её ступне коснуться неосязаемой поверхности, как чернота под ногами дрогнула и отозвалась мягким, жемчужным свечением.

Там, где только что была пустота, проступил мелкий, нежный песок, белеющий во мраке.

Улыбка расцвела на её лице.

Она шагнула снова, а затем пошла увереннее. Каждый её след растворял черноту и обнажал полосу белоснежного пляжа, уходящую в бесконечность. Килиана провела рукой в воздухе

— и сорвавшийся с кончиков её пальцев свет разогнал сумрак перед глазами, словно стирая сажу с холста.

«Александр здесь. Он где-то рядом. Мне нужно спешить, пока яд не поглотил его.»

Килиана сорвалась на бег.

Она раскинула руки в стороны и свет с её ладоней прокладывал широкую тропу на песке. Превращался в сияющий след за её спиной. Сколько длился этот бег — минуты или томительные часы — она не знала.

Мужской силуэт сидел на песке, руки обнимали колени. Он неподвижно смотрел куда-то в темную даль, которая еще не успела покориться её сиянию.

«*Александр…*» — Она подошла и осторожно коснулась его плеча.

Темнота с оглушительным хлопком растаяла.

Перед ними открылся бескрайний пляж, на который с грохотом обрушивались тяжелые штормовые волны. Свинцовые тучи затянули небо, скрыли солнце, предвещая неминуемую бурю. Пейзаж был суровым, величественным и бесконечно печальным. Ветер яростно трепал спутанные волосы Александра. Он даже не вздрогнул. Он по-прежнему созерцал яростный океан, чьи волны разбивались о берег и уносили с собой последние надежды.

— Зачем вы здесь, Ваше Высочество? — он не обернулся. Усталый голос сливался с шумом прибоя.

— Где мы? — прошептала она, лицо ловило соленый ветер.

— В моем умирающем сознании. Так зачем вы пришли?

— Я… я не знаю. Наверное, чтобы забрать тебя отсюда.

Александр наконец медленно повернул голову. Он прищурился, пристально изучая её лицо, словно надеялся разглядеть за его чертами подвох.

— Мне незачем возвращаться, — он снова отвернулся, его взгляд устремился в горизонт.

Килиана не стала спорить. Она опустилась рядом с ним на прохладный песок, не заботясь о грации или приличиях. Какое-то время они сидели в молчании, слушали рокот воды. Песок остужал кожу, а ветер обдувал лицо.

— Что значили ваши слова: «*это не я*»? — в голосе прорезалась болезненная горечь. — Что значило ваше «*я не знала*»? Прежде чем я покину этот мир, я хочу знать ответ.

Килиана заговорила и её признание лилось в такт шуму набегающих волн.

Она рассказала всё: о роковой сделке отца, о трех годах, вычеркнутых из жизни, и о демонице, которая заняла её место, превратив её тело в тюрьму, а её имя — в символ кары. Она говорила о том, как Морриган упивалась чужими страданиями, пока сама Килиана была безмолвным призраком в собственном разуме.

Александр слушал, не перебивал. Его неподвижность была почти пугающей, но по тому, как сжались его пальцы на песке, она видела — он ловит каждое её слово.

— Отец обещал, что отпустит тебя, — она понизила голос. — Он изгонит тебя из Офелии, но ты останешься жив. Это случится, если я откажусь от замужества.

— С чего бы королю проявлять ко мне такую щедрость? — Александр усмехнулся, не поворачиваясь. — Для него я сын изменника. Тень предателя, которую нужно стереть, а не помиловать. Такая уж у него стратегия. — В его голосе прозвучало любопытство, которое он тщетно пытался скрыть за стеной сарказма.

— Это его дар мне, — Килиана опустила глаза. — Своеобразное искупление за то, что по его вине я прошла через ад.

— Понятно… — выдохнул он.

Ветер на мгновение стих, словно море прислушивалось к их разговору.

— Александр, давай вернемся, — она осторожно коснулась его руки. — Ты сможешь начать всё заново. Где-нибудь далеко отсюда, там, где никто не знает твоего имени. Без боли. Без цепей. Без издевательств.

На секунду в его глазах проскользнула отчаянная надежда на спасение. Но это пламя тут же погасло, затушенное тяжелыми волнами недоверия. Он медленно покачал головой, и его лицо снова стало безразлично смиренным.

— Я не могу верить вам, Ваше Высочество, — прошептал он. — Слишком часто вы обещали мне покой, прежде чем нанести новый удар.

— Прости меня, Александр, — тихо произнесла Килиана. — Если бы я могла предотвратить это… я бы не раздумывая отдала всё. Но я не могу изменить прошлое — только грядущее. Я не хочу, чтобы ты уходил… расплачивался своей жизнью за чужие грехи. — Она сделала паузу, пальцы спрятались в складках платья.

— Уходите, ваше высочество.

Эта короткая фраза заставила Килиану вытянуться в струну.

— Не смей умирать! — Прокричала она сквозь шум прибоя. Голос стал злым, сорванным. — Слышишь? Только не здесь! Не сейчас!

Она схватила его за ледяные запястья. Вспышка боли. Александр задохнулся, выныривая из небытия.

Килиана открыла глаза, и мир обрушился на неё запахами лечебных трав и резким светом.

Вокруг царила суета: Ричард и его помощницы метались по палате, но стоило ей пошевелиться, как лекарь оказался рядом. Его лицо, испещрённое морщинами, разгладилось.

— Ваше Высочество! Хвала богам! Вы до смерти нас всех напугали! — он едва ли не причитал, пока ощупывал её пульс тёплыми руками.

— Что произошло? — голос Килианы был слабым. — Я, кажется, просто задремала…

— Задремала?! — Ричард всплеснул руками. — Вы не приходили в себя целых два дня! Мы перепробовали всё, но вы не просыпались! Мы не знали, что и думать…

«Два дня?»

Внутри Килианы всё рухнуло.

«Тот мир на берегу океана, бег по белому песку — всё это длилось не больше часа.»

— А Александр? — она резко приподнялась на локтях, игнорируя головокружение. — Что с ним?

Ричард поник, посмотрел на потертые носки своих кожаных ботинок.

— Мы не знаем. Он всё так же бездвижен. Сердце бьется, но…

— Господин! — в палату влетела Вира. — Александр! Он пришел в себя. Его рвет желчью, Летти помогает ему. — Девушка заметила Килиану, склонилась. — Ваше Высочество, вы тоже очнулись! Какое чудо! Я так рада, так рада… — в лучах солнца, заливавших лазарет, веснушки на её раскрасневшемся лице показались россыпью золотых искр.

Радость, светлая и чистая, как первый снег, пронзила грудь Килианы. Сдерживаемый выдох вырвался, напряжение растворялось.

«Он вернулся.»

От этой мысли стало и восторженно, и жутко. Она больше не была прежней Килианой. Теперь в её руках была сила, способная как помогать, так и разрушать изнутри. И сейчас эта сила спасла того, кого уже успели оплакать.

Глава 5

Наследие теней

26 мая 1021 г.

Килиану отпустили из лазарета в тот же вечер. Лекари, удостоверившись в её здравии, развели руками, недоумевая, почему она потеряла сознание и так долго не приходила в себя. Александра же и не думали отпускать — его состояние проверяли всеми возможными способами, словно не веря, что он всё ещё дышит.

— Это невозможно! После такого снадобья не просыпаются! Уму непостижимо! — Ричард не унимался. Он взволнованно расхаживал возле кровати и то и дело всплескивал руками. — Твой организм выдержал три дня борьбы с ядом! Ты буквально вырвался из цепких рук Эрефиса! Никогда такого не было на моей памяти. Видно, ты, сынок, очень хотел жить. Видно, не пришло еще твое время.

Александр слушал его сквозь опущенные веки. Перед глазами неустанно стоял образ Килианы. Там, на берегу бушующего океана, она протягивала ему руку. Обрывки странного, пугающего бреда: какие-то тени, сделки с демонами, признание в том, что её жестокость — лишь цена, заплаченная её отцом.

«Бред, — думал он, чувствуя, как пульсирует висок. — *Всего лишь бред. Мой бредящий мозг, пытался найти оправдание её поступкам, вот и выдумал красивую сказку о проклятии и демонах. Смешно… Пытаться увидеть жертву в той, кто держал меня в цепях.»*

Несмотря на логичные доводы, Александра переполняла доселе невиданная надежда. Ему казалось, что после этого пробуждения его жизнь бесповоротно изменится.

«Я уверен. Это знак. Бессмысленный, но знак».

Спустя пять дней его наконец отпустили из лазарета. Но, по личному распоряжению принцессы, его вещи были перенесены. Старая каморка осталась в прошлом. Та конура под лестницей больше походила на пыльный чулан с прогнившим соломенным тюфяком и вечным запахом нечистот и плесени. Теперь его путь лежал в восточное крыло.

Пока Александр шел к своим новым покоям, по коже бегали колючие мурашки, а на предплечьях топорщились волоски. Слуги, раньше не замечавшие его, теперь смотрели на него: кто-то — с нейтралитетом, а кто-то даже с робкой доброжелательностью, улыбаясь уголками губ. Это вызывало в нем странное, тревожное, но при этом пугающе приятное ощущение.

«Они смотрят так, будто я теперь принадлежу к другому миру. А её записка? Издевка? Или здесь что-то другое? После сна мне везде мерещатся тайные смыслы. Нужно взять себя в руки, пока я окончательно не сошел с ума».

Придя в новые покои, Александр замер на пороге. Убранство было роскошнее дома, в котором он провел свои детство и юность. Цвета были сдержанными и благородными: оливковые портьеры, бежевый шелк стен и мебель из глубокого, теплого коричневого дерева. Огромные окна впускали много света, а рядом с балконом виднелась небольшая дверь.

«Готов поспорить, что за этой дверью покои принцессы»

Александр вытряхнул на кровать свои скудные пожитки и на самом дне сумки заметил плотный сверток. Сердце, успевшее пропустить несколько ударов, пустилось в галоп; дыхание выровнялось.

«Сургучная печать нетронута. Неужели никто не обыскал мои вещи?»

Он быстро закрыл двери, зашторил окна и в танцующем, неверном свете свечей разломил печать.

«Мой господин, Александр. Ваша верная свита не покладая рук готовит почву для Вашего возвращения. Час Вашего освобождения близок, и скоро Вы окажетесь среди под-

данных, хранящих Вам верность. Регент, Уильям Роксфорт — единственный родственник Вашего дяди, не имеющий собственных детей, — уже обеспечил Вас лучшими наставниками. Вы единственный законный преемник на трон, и Ваше обучение должно начаться без промедления. Надеюсь, всё пройдет успешно. До скорой встречи. Ваш преданный слуга, Алекс Нолс».

Несмотря на то, что лето неумолимо приближалось, Александру стало зябко. Губы непроизвольно расплылись в улыбке и тут же опустились. Пальцы сжимали шершавый пергамент. Бумага была почти невесомой, но держать её казалось невыносимо тяжело.

В дверь со стороны балкона негромко постучали. Александр молниеносно спрятал послание под тяжелое одеяло и замер.

— Александр? — вкрадчивый голос Килианы донесся из-за двери. — У тебя все в порядке?

Он не знал, куда себя деть, взгляд метался из угла в угол. Тот призрачный образ из сна — искренняя Килиана — мешал ему воспринимать её как угрозу.

— Александр? Я вхожу. — В её голосе прорезались нотки тревоги и легкого нетерпения.

Он быстро лег на кровать и закрыл глаза. Он услышал, как дверь тихо открылась, и почувствовал её приближение. По комнате разлился едва уловимый аромат её духов: морозная свежесть и персики. Килиана подошла к кровати и, помедлив, осторожно провела ладонью по его щеке. Касание было мимолетным, нежным.

— Ну хорошо, отдыхай, набирайся сил… — прошептала она.

Печаль в её голосе была настолько очевидной, что Александр, против своей воли, ощутил резкий укол стыда.

«Может спросить про тот сон, про сделку, про её отца?»

Но он заставил себя замереть, лишь пальцы сжали край простыни. С тяжелым вздохом Килиана встала и направилась к двери, тихо закрыв её за собой.

Ему было стыдно.

«Я — мужчина, который скоро должен занять трон, — прячусь под одеялом от девушки. Позор.»

Чтобы унять руки и утихомирить мечущиеся мысли, Александр откинул одеяло и уставился в потолок.

Над ним расстилалось целое небо. На потолке тускло поблёскивали старые фрески. Краски изображали жизнь ушедших богов — тех, чьи имена он заучивал еще в детстве, шепотом повторяя легенды в свете свечей своей комнаты, в доме Феликса. Для Александра эти мифы всегда были тем единственным, что могло занять его на долгие часы.

В центре, залитая мягким серебристым светом, стояла Дивия. Она прижимала к себе маленькую дочь Селену, а рядом возвышался её супруг. От этой божественной семьи исходило такое свечение, что казалось, будто сама комната согревается их любовью. Губы Александра тронула мягкая улыбка, он невольно залюбовался ими — образом союза, которого он был лишен. Чуть поодаль, окруженная буйством листвы и дикими зверями, замерла Фина. Она была кроткой, но в каждой детали чувствовалась сила жизни. Рядом с ней стояла Рита — богиня мощи, чьи доспехи сияли даже в тусклом свете свечей. Чуть выше вели спор Сол, бог Солнца, и Кин, покровитель ментальных сил, его тонкие пальцы замерли в жесте, словно он читал мысли своего собеседника.

Но, как и всегда в детстве, Александр, смотрел мимо великих и сияющих. В самом углу, там, где фреска тонула в тени карниза, притаился Эрефис.

Бог смерти и теней не выглядел пугающим. Его длинные, дымчатые щупальца, напоминающие рваные края туч, тянулись к остальным богам. Большинство видело в этом угрозу, но Александр всегда чувствовал иное. Эрефис не нападал — он окутывал своих собратьев, словно защитный кокон, оберегая их свет от опасности.

«Смерть — это не конец, а сон, дарующий отдых», — вспомнил он строчку из старого писания. Он всегда испытывал к божественному пантеону глубокое почтение. В мире, где люди предавали, боги оставались неизменными в своем величии, пусть даже они давно покинули людей.

Разглядывая божеств, Александр поймал себя на мысли, что,

«Она больше не вызывает такого ужаса. Я не простил её, но…»

Он слышал шепотки слуг в коридорах лазарета. Они обсуждали её приказ не касаться его, её неожиданные извинения перед персоналом, её тихий голос, лишенный язвительности. Говорили, что принцесса изменилась. Что она стала… человечнее.

«Изменилась? — Александр скептически скривил рот, оборачиваясь на дверь, за которой скрылась Килиана. — *Легко изменить приказ, но трудно изменить суть».*

Он не мог забыть. Но то странное запустение, пришедшее на смену ужаса и ярости, позволило ему дышать ровно.

Он снова перевёл взгляд на фреску. Эрефис всё так же стоял в тени, укрывая остальных Богов тенями. Это стало последним, что он увидел, прежде чем провалиться в забытье. На этот раз — без снов.

Александр проснулся рывком. Комната была погружена в полумрак, в камине теплились багровые угли. Сначала он услышал, что тишину нарушает треск догорающие углей, но позже он уловил иной звук — едва слышный. Неразборчивый шепот доносился из-за той самой двери, что вела в покои принцессы.

Он сел на кровати, дышать стало легче, а тяжесть, что с неимоверной силой давила на плечи, исчезла. Первым делом рука инстинктивно нырнула под тяжелое одеяло. Пальцы обхватили плотную бумагу письма.

«Нельзя оставлять следов. Только не здесь, где двери ведут в логово врага».

Александр бесшумно поднялся и подошел к камину. Он сжал письмо в кулаке и швырнул бумажный комок в тлеющие угли. Бумага вспыхнула мгновенно, на секунду осветив комнату ярким оранжевым светом, и тут же превратилась в черный пепел.

«Огонь. Когда я ложился, камин был холодным. Кто-то вошел в покои, пока я спал, принес дрова, разжег пламя — и я этого не услышал. Как? В своей старой комнате я просыпался от шороха мыши за стеной. А здесь… в мою комнату можно завести полк солдат, и я не пошевелюсь?»

Он не моргал. Рука так и осталась протянутой к камину.

Шепот за дверью стал громче, обретая интонации, вырывая Александра из размышлений. Это был голос Килианы, но он не был похож на тот, что он слышал днем. Александр бесшумно шагнул к двери у балкона и прижался ухом к стыку досок. Дерево было тёплым и толстым, но звуки сквозь него проходили отчетливо.

Он услышал прерывистый вздох, а затем голос принцессы — испуганный, срывающийся, но пронизанный какой-то стальной, обреченной злостью.

— Ты монстр, Морриган… — прошипела она, и в этом имени, *«Морриган»*, Александру почудился свист змеи. — Я не приму тебя. Убирайся назад… Слышишь?

Александр замер, боясь даже дышать.

«Морриган? — это имя отозвалось в его памяти болью и отчаянием. — *С кем она говорит? В комнате кто-то есть или… Или она бредит?»*

Ему вспомнились слова из «сна» о сделке отца и демонической сущности. Если Морриган — это имя той сущности, что жила внутри неё, то прямо сейчас за этой дверью шла война, о которой не знал никто.

Он стоял у двери, зажатый между желанием ворваться и потребностью бежать как можно дальше от этого проклятого места. В темном углу Эрефис казался живым, и его призрачные щупальца тянулись к Александру, призывая хранить тишину.

После лазарета, Килиана не находила себе места. Мысль об Александре, лежащем там, терзала её.

«Я не могу допустить, чтобы он провел свои последние недели во дворце как пленник. Он заслуживает достоинства.»

Его вещи перенесли в её комнату.

Чтобы оправдать свой поступок, она велела Мэри передать ему короткую записку: *«Тебя вообще одного оставлять нельзя»*.

В этих словах, не предназначенных для чужих ушей, скрывалась её истинная тревога. Воспоминания о том, как слуги издевались над ним, как они наслаждались его страданиями, называя это её волей, были слишком свежи. Несмотря на её недавний приказ не прикасаться к нему, она не могла быть уверена, что кто-то из них, движимый местью за действия Морриган или просто привычной жестокостью, не ослушается. Беспокойство за его последние недели в этом дворце, было ощутимым.

После пережитой комы, Килиана не проявляла свой дар, доставшийся ей от демоницы. Способность проникать в чужие мысли, видеть воспоминания казалась ей чем-то чудовищным.

«Это неправильно, это вторжение, осквернение чужой души», — шептал внутренний голос. Она чувствовала отвращение к этой силе, которая так легко могла разрушать границы чужого сознания. И всё же… в глубине души таилось любопытство.

«Интересно, о чем думают люди, что скрывается за их улыбками и поклонами? Как они воспринимают меня, новую Килиану, и как они относились к той, что носила моё лицо. Нет, я не буду пользоваться этим даром. Я должна найти свой собственный путь, без демонических уловок».

Килиана узнала от Мэри про один из самых гнусных из своих поступков, по отношению к простым людям и отправилась в город.

На площади перед дворцом царило напряженное молчание. Люди расступались, опускали головы, их руки заметно дрожали, пока за спиной принцессы чеканили шаг гвардейцы. Они подошли к старой лавке на окраине рынка.

Здесь жила вдова Марта, чьи земли и имущество были отобраны по жестокому указу «одержимой» принцессы год назад. Вдова упала на колени прямо в грязь, трясясь и плача. Но Килиана сделала то, чего никто не ожидал. Она опустилась на колени прямо в дорожную пыль перед старой женщиной, сравнявшись с ней.

— Марта, — тихо произнесла Килиана. Она протянула женщине шкатулку. Внутри, на бархатной обивке, лежали бумаги на землю и золотые монеты. — Я совершила непомерную несправедливость. Ваши земли возвращены вам, а это — компенсация за все те беды, что я принесла в ваш дом. Простите меня, если сможете.

Толпа ахнула. Люди переглядывались, шептались.

— Гордая, безжалостная принцесса стоит на коленях перед простой торговкой. — Сказал кто-то в толпе куда громче, чем намеревался.

Каждый её шаг, каждое слово теперь были взвешены. Она лично встречалась с лордами, выслушивая их жалобы и предложения. Она отменяла все несправедливые указы, изданные Морриган, вернула земли и титулы тем, кого лишили их по ложным обвинениям.

Она проводила часы в библиотеке, изучая законы и историю королевства. Её дни были наполнены работой, а ночи — бессонницей. Она знала, что это будет долгий и трудный путь, но решимость была стальной.

«Я должна построить новое будущее для Офелии.»

После очередного маленького шага к искуплению, Килиана вернулась в свои покои уже после заката. Мысль об Александре, теперь находящемся в соседних покоях, не давала ей покоя.

«Он больше не пленник, только вот я никак не могу отпустить чувство вины. Я хочу, чтобы он жил как достойный человек, а не как жертва.»

Ей нужно было поговорить с ним. Обсудить произошедшее, то её невольное проникновение в его сознание, которое теперь казалось ей чудовищным вторжением. И, конечно, их дальнейшие взаимоотношения, которые висели в воздухе, тяжелые и неопределенные.

Она тихо подошла к двери, разделяющей их покои, и осторожно постучала.

— Александр? — вкрадчиво позвала Килиана, стараясь, чтобы её голос звучал мягко, без прежней властности. — У тебя все в порядке?

В ответ слышалась лишь тишина. Килиана выдохнула, а ноготь впился в подушечку пальца.

«Пусть Ричард и заверил, что Александр в полном порядке, но я знаю: такое не могло пройти. Три года пыток, кома, попытка убийства, яд…»

— Александр? Я вхожу, — с нарастающим беспокойством произнесла она, открывая дверь.

Килиана вошла в комнату, и её окутала неестественная для поздней весны прохлада, мурашками забившаяся на её коже. Неудивительно, ведь она не входила в эти покои много лет, за ненадобностью. Принцесса подошла к кровати и увидела мирно спящего жениха. Его лицо разгладилось, плотно сжатые губы расслабились, морщина между бровями исчезла.

Она легко коснулась его кончиками пальцев, почувствовала лёгкую щетину.

«Он спит. Слава богам, он просто спит. Но что, если это не так? Что, если он притворяется? Я могла бы узнать. Я могла бы… Нет! Я не стану такой. Я не буду использовать эту силу. Это неправильно, это вторжение. Я обещала себе, что не буду. Я должна доказать, что я другая, не только ему, но и себе. Я должна заслужить его доверие».

Её губы скривились в отвращении, и она отдёрнула руку. Она чувствовала жгучее желание понять, что он пережил, что он думает о ней, но внутренний барьер, возведенный против Морриган, был слишком силен.

Решив больше не тревожить его, она прошептала:

— Ну хорошо, отдыхай, набирайся сил…

Килиана тихо вышла из покоев. Прохлада в комнате Александра напомнила ей о его недавних страданиях и о том, как долго эти покои были заброшены. Она отправилась на поиски слуги, следящего за каминами, чтобы в комнате Александра наконец-то разгорелся огонь, прогоняя прохладу и затхлость. Слуга Рон пришел через час, тихо развел огонь в камине Александра, и так же тихо вышел. Тепло медленно разливалось по покоям, прогоняя прохладу, но Килиана этого уже не заметила.

Время близилось к полуночи. Килиана сидела у окна в тёплом свете свечи, держа толстый фолиант. От него пахло кожей и старой бумагой. Тишину нарушал убаюкивающий шелест страниц.

Здесь, среди стен родной комнаты, никто не требовал от неё быть принцессой или монстром. Здесь она была просто Килианой.

«Что делать дальше? Я должна найти способ… способ дать ему шанс на новую жизнь.»

Её взгляд скользнул по собственным рукам, затем по отражению в темном стекле.

«Это тело… Красивое, да, но не моё. Проникать в чужое сознание… это отвратительно. Это то, что делала Морриган. Но что, если я смогу контролировать её? Использовать во благо? Нет. Я не могу.»

Мысли плавно протекали, не задерживались.

Наконец, она медленно поднялась и подошла к зеркалу, села напротив. Она вглядывалась в своё отражение.

«Мои глаза… когда-то они были такими красивыми, такими живыми. Зеленые, как леса Офелии. А теперь…»

Она провела пальцами по векам. Правый глаз, синий, словно осколок льда, а левый — черный, как сама ночь. Но, вглядываясь глубже, она начала замечать не только чужую красоту, но и что-то своё.

«Я не могу изменить то, что произошло. Но я могу изменить то, что будет. Это моё тело, мои глаза, моя сила. И я научусь ею управлять. Я научусь жить с этим. Я должна».

Впервые за это время на её лице, отраженном в зеркале, мелькнуло не отвращение, а принятие. Принятия себя, новой, но всё ещё Килианы.

Зеркало подернулось рябью, и в его глубинах показался силуэт, прямо как в воспоминаниях отца. Килиана не отпрянула, не почувствовала ужаса, только её брови взлетели вверх. Ею овладело любопытство. Она продолжала наблюдать за демоницей, цепляясь за каждое её движение, за каждый всполох тёмного тумана. Между ними протянулась невидимая тонкая нить.

— Здравствуй, половина души моей, — голос Морриган, мягкий, но проникающий прямо в кости, звучал в голове принцессы, задевая что-то глубинное, забытое.

— Здравствуй, Морриган, — ответила Килиана, внутри всё сжималось в тугой комок. — Что тебе нужно? Очередная сделка?

— Нет, мне не нужна сделка… — Голос Морриган был потусторонним, но при этом удивительно мягким, почти ласковым. — Мы — одно целое. Мы — две половинки одной души… Прими меня… Мы сольёмся воедино… — шептала Морриган прямо в разуме Килианы. Её призрачные пальцы скользнули по щеке принцессы, очерчивая скулу лёгким, почти неощутимым касанием. Прохладное прикосновение дарило разгоряченной коже принцессы странное запретное наслаждение, словно утоляя давнюю жажду.

В этот момент щёки Килианы обдало жаром. По краям зрения помутилось, оставив Морриган в центре этой странно красивой, жуткой композиции.

«Наслаждение? От неё?»

Килиана вдохнула, раздувая ноздри. Воздух казался плотным, его приходилось не вдыхать, а глотать. Принцесса прищурила глаза и прошипела, напоминая дикую змею:

— Ты монстр, Морриган… Я не приму тебя. Убирайся назад в бездну… Слышишь?

Морриган улыбнулась, но уголки её губ дёрнулись, а плечи поникли.

— Я буду ждать тебя, половина души моей… попроси объятий, когда будешь готова. Когда мы сольёмся…

— Мы не сольёмся! — вскрикнула Килиана. — Я не хочу. Иметь с тобой. Ничего. Общего.

— …Ты всё поймёшь, ты все узнаешь, — голос Морриган, словно эхо, начал растворяться в сознании Килианы. — А пока… я буду рядом… буду наблюдать за тобой… буду помогать тебе.

— Мне не нужна твоя помощь! Убирайся! — прошипела Килиана, сверля демоницу взглядом. — Ты отрава для всего сущего.

Чернильные глаза Морриган прищурились, и она исчезла. Оставила после себя легкий запах озона в воздухе.

Килиана отшатнулась от зеркала, тяжело дыша.

«Она лжет. Она просто пытается обмануть меня, чтобы снова завладеть моим телом.»

Это ощущение родства с демоницей было самым страшным открытием, потому что оно ставило под сомнение саму её сущность.

Кабинет короля был не прогрет, королевство готовилось к приходу лета. Ирид сидел за письменным столом среди отчетов. В комнате висела редкая тишина — густое ожидание. Сегодняшний посланец опоздал ровно на одну минуту: его сапоги стучали по камню. Он вошёл с почтением кланяясь. Движения были резкими. Он был низкого происхождения. Слуга крупного дворового домочадца, который позволил себе нечто опасное. В пьяной грубости сказал на рынке, будто бы *«Килиана была бы лучшей королевой, чем Ирид».*

Новость дошла до королевского уха одной тропой: слухи. Ирид вызвал человека в кабинет не из милости.

«Показательное действие должно заткнуть рот всем другим.»

Побледневший слуга встал в центре комнаты и заговорил тонким голосом с извинениями. Губы короля сжались в линию.

— Ты осмелился предать меня? — взревел Ирид. Шепчущиеся до сей минуты в коридоре лорды затихли, прислушались. — Ты смеешь… говорить такое?

— Простите, Ваше Величество, — выдавил человек, его язык заплетался. — Я просто… один раз сказал правду, и меня понесло…

Сердце Ирида ударилось в висках. Это была не простая вспышка. Перед ним маячила утрата, прошлое, сделка и шепоты Морриган.

«Власть можно потерять за малейшую слабость; слабость — это смерть трона.»

Он встал. Стул с грохотом упал. Движение короля было быстрым. Достав кинжал из ножен резче, чем того требовали приличия, подошел к слуге. Сталь кинжала блеснула. Прежде, чем слуга успел вскинуть руки, король точным взмахом полоснул его по горлу. Мужчина захлебнулся криком, зажал шею ладонями и рухнул на каменные плиты, судорожно хрипя. В комнате запахло металлом.

— Пусть у нас не будет мягкости, — произнёс Ирид громко. Его голос отозвался эхом от стен. Секунды растянулись. — Из этого кабинета выйдут не романтические речи о свободе, а пример.

Солдаты, стоявшие в при тусклом свете ламп, молча вышли вперёд. Человека, который три минуты назад говорил о «правде», выволокли вон из кабинета, и стук солдатских шагов заглушил тяжёлое дыхание короля. Вскоре вернулась офицерская команда — молча, головы опущены.

На полу остался одинокий след — след правды.

Но наказания Ирида никогда не ограничивались одним человеком.

Он повернулся к оставшимся, глаза его скользили между людьми.

— Кто ещё позволит себе такую дерзость? — спросил он, громыхая. — Помните: корона требует жертв. Найдите его семью. Приведите всех. Пусть трупы висят у ворот города, чтобы каждый знал цену своих грязных слов!

Слуги жались, не в силах дышать. Несколько высокопоставленных лордов обменялись улыбками полными лести. Они склонялись в поклоне, шепча:

— Верно, Ваше Величество, так и нужно. Твердая рука — основа порядка. — Их голоса были мягки, в словах слышалось жестокое ликование: король действовал по старому правилу — устрашать, а не просить.

Мэри вошла в покои Килианы с бледным лицом и прошептала:

— Ваше Высочество, он… он убил его. Король… он приказал схватить жену и детей, он сказал… — голос служанки срывался.

Килиана почувствовала, будто пол уходит у неё из-под ног. Желудок сжался.

«Нельзя!»

Она рванула к двери. Слуги вжались в стену, освобождая путь. В коридоре уже гудела встревоженная толпа. Раздумывать не было времени. Дверь в кабинет Ирида с грохотом распахнулась.

Король поднял глаза. Они были холодны, изломаны решимостью человека, который продал свою душу ради трона. Он увидел дочь, и в его лице мелькнуло что-то, что раньше было уличено в мечтах: удивление, раздражение и… опаска. Спор между ними разгорелся.

— Ты называешь меня тираном? — рявкнул он, и в голосе была искра, которой она никогда раньше не слышала. — Тебе ли не знать цены трона? Ты думаешь, это легко?

— Цена? — Завопила Килиана. — Ты казнишь людей и их семьи за слова! Ты приказываешь убивать детей! Это не закон — это месть!

Ирид покраснел. И в тот миг, на глазах у застывших лордов и вжавшихся в стены слуг, он ударил её по щеке. Пощечина была как арбалетный выстрел: неожиданная, обжигающая, первая в их жизни. Килиана отшатнулась и прижала ладонь к щеке. В зале стало тихо.

— Я тебя ненавижу. — Еле слышно сказала она и выбежала из кабинета.

Лорды заговорили первыми:

— Хорошо. Примерно. Твердая рука обучит дочь покорности. — Их аплодисменты были похожи на шёпот.

Слуги молча разбежались, и в коридорах тут же поползли слухи, которые, подобно трещинам, расходились по стеклу.

Лорд Малрой приложил карту к столу и промолвил:

— Думаю, наша будущая корона должна стать опорой рода Малрой. Мой сын — воин, он укрепит границы, выведет корону из тумана сомнений. Дайте мне руку вашей дочери, и я дам вам щит.

Ирид слушал. Его пальцы сжимали чашу, грозя раздавить. Он не был глуп; он понимал цену союза. Лорды говорили тихо, вежливо, но в словах их лежала явная жажда: «дадим ей выгодный брак — и сместим нежелательную помеху».

— Так вы предлагаете расчёт? — спросил он ровно.

— Мы предлагаем безопасность, — ответил Лорд Элвин, — и избавление от скандала.

Ирид молчал. Его глаза блеснули, и на лице проснулся старый, знакомый зверёк: если он отдаст дочь чужому дому — что останется от его власти? Но мысль о контроле, которой жаждали лорды, была сладкой: брак как снаряд, направляемый знати.

— Хорошо, — пробормотал он наконец. — Приготовьте дары. Но это будет моя цена. Не забывайте, кто держит корону.

Лорды улыбнулись.

— Король вновь казнил человека. За слова. Вместе с его семьей. — Те, кто ещё накануне тихо шептал об изменениях, теперь обсуждали открыто:

«*Так держать», «А он прав», «Дочь не может подрывать авторитет отца».* Но были и другие голоса — тихие, неуверенные: *«Не слишком ли далеко он зашел?»*

Александру слухи донесли не через дворничих — придворное шило никогда не спит — а через молодого стражника, который, заступившись за правду, счёл нужным донести новость в тех же тонах, с какими обычно передавали приказы: ровно, без подробностей. Александр был на плацу, отсечённый от мира работой, и когда слово «казнь» прозвучало рядом с его ухом, он выронил меч.

Юноша опустился на колени прямо в пыль. Пальцы до боли сжали сталь меча, но мысль о цене, которую Офелия платит за порядок, отозвалась внутри гораздо острее. Он вспомнил глаза Феликса. Он представил, как жена слуги держит сына за руку. Он представил Килиану, стоящую с отёкшим лицом и слезами на щеках.

Но он не пошёл к ней. Вместо этого Александр отправился на берег Серебряной реки, где волны отбивали ритм, похожий на его дыхание. Он размышлял о справедливости и о том, что значит быть сильным правителем. Тишина помогала думать, но мысль о том, что девушка, которую он называл «невестой», может быть так опозорена — и что король, её отец, может быть способен на такое — точила его спокойствие.

«Барьер — не плита, а лёд: он тает, если долго смотреть на тепло.»

Новость о пощёчине и о том, как лорды хвалили Ирида, вызывало беспокойство о ней. Александр пнул гальку, и она улетела в воду. Течение быстро скрыло круги на воде. Всё стало как прежде. До самого заката он смотрел на прозрачную воду. То хватался за волосы, то до швырял камни в воду.

На следующий день Александр ощущал на себе взгляды слуг и раз за разом ловил себя на мысли:

«Я больше не вижу в ней врага…»

Трещина в отстранённости стала заметна: его шаги стали медленнее, его ответы — длиннее. Он позволил себе думать о ней не как о чудовище. И эти мысли — тихие и почти незаметные — были тропой, что могла примирить их.

1 июня 1021 г.

Килиана проснулась от мягкого солнечного луча, пробравшегося сквозь синие портьеры. Сон был долгим и на редкость безмятежным — настоящим подарком богов после дней, полных отчаяния и боли. На прикроватном столике её уже ждал завтрак. Килиана потянулась, чувствуя приятную легкость в теле, и подняла серебряный клош.

Аромат свежей выпечки и травяного чая мгновенно наполнил комнату. На тарелке красовался пышный омлет с нежным сыром и мелко нарубленной зеленью, рядом лежали ломтики поджаренного хлеба и небольшая пиала с медом. Несколько ягод спелой земляники добавляли ярких красок этому скромному, но заботливо приготовленному завтраку. Рядом лежала записка: «*Ваше Высочество, я не стала Вас будить, Вы и так утомились за последние дни. Мэри*». Теплота, с которой была написана эта записка, отозвалась в Килиане счастливой улыбкой.

Позавтракав, принцесса отправилась в умывальню. Прохладная вода прогнала остатки сна, вернула ясность мыслям. Она долго расчесывала свои волосы, глядя на свое отражение. Она уже не вздрагивала от вида разноцветных глаз и мертвенной бледности.

Сегодня она выбрала светло-синее платье из тонкого шелка. Серебряная вышивка на корсете напоминала морозные узоры на стекле, а пышные рукава-фонарики, закрывавшие руки до самых запястий, придавали её облику легкость. Шелк платья мягко шуршал по паркету. Килиана подошла к смежной двери и замерла.

Она постучала, но ответа не последовало. Сгорая от стыда за свое вторжение, но ведомая нарастающей тревогой, Килиана приоткрыла дверь.

— Александр?..

Комната была пуста. Постель осталась идеально заправленной, словно к ней никто и не прикасался. В груди стало тесно, а руки мелко задрожали.

«*Где он? Сбежал? Или кто-то из стражи решил «проучить» его, пока я спала?*» — мысли роились в голове, одна страшнее другой. Она почувствовала вину за то, что позволила себе такую долгую передышку, оставив его без присмотра.

Выйдя в коридор, Килиана замерла. Дворец преобразился. Печаль, долгое время висевшая в воздухе густым туманом, начала рассеиваться, уступая место суете подготовки к «Фестивалю Солнца». Слуги развешивали по стенам золотистые и алые ленты, под потолком покачивались невесомые шары, излучавшие теплый свет, который напоминал сияние солнца. Люди не вжимались в стены при её появлении, почтительно склоняли головы. Кто-то даже улыбался.

Не обращая внимания на суету, Килиана закрыла глаза и прислушалась к внутренним ощущениям. То странное чувство, что ни раз приводило ее в нужные места, сейчас отозвалось едва уловимой нитью, тянущейся куда-то вниз, к заднему двору.

Она вышла на галерею, выходящую на тренировочную площадку. Там, в лучах утреннего солнца, она увидела его.

Александр стоял в центре круга, сжимая в руке тренировочный меч. Его противником был крупный, седовласый стражник, который то и дело поправлял стойку мужчины, что-то негромко объясняя. Солдаты, обычно суровые и нелюдимые, стояли вокруг, наблюдая за спарингом без тени насмешки. Напротив, в их взглядах читалось некое подобие уважения к упорству пленника.

Александр был сосредоточен, его движения становились всё более уверенными. Когда стражник похвалил его за удачный выпад, на лице юноши на мгновение промелькнула улыбка. Килиана почувствовала, как в груди становится тепло, а тело превратилось в лёгкое облачко.

«*Они принимают его. Они не мучают его, а учат…*» — она была безмерно благодарна этому старому воину за то, что он увидел в Александре человека, а не мишень для злобы.

Принцесса отступила глубже в тень галереи и бесшумно ушла. Её путь лежал в библиотеку. Огромный зал стал её убежищем. Здесь густо пахло старой кожей и вековой пылью. Она часами листала пожелтевшие страницы. Строки о былых временах, о забытых указах и истории её предков сплетались в её сознании в причудливый узор. Постепенно глаза налились свинцом и усталость взяла свое. Голова Килианы опустилась на раскрытый фолиант, и она уснула прямо среди древних архивов, под тихий шепот истории.

Время во дворце Офелии потекло иначе — оно наполнилось суетой и предвкушением. Подготовка к «Фестивалю Солнца» шла полным ходом. Слуги, воодушевленные переменами в поведении принцессы, работали с удвоенной силой. Для Килианы этот период стал временем испытания тишиной. Александр, хоть и жил теперь в соседних покоях, превратился в приведение. Он мастерски избегал встреч: если она входила в библиотеку, он вскоре находил повод уйти; если она гуляла в саду, он оставался на тренировочной площадке. Принцесса чувствовала это намеренное дистанцирование, и оно кололо её сердце острее любого клинка.

«Ну конечно, как можно добровольно искать встречи с той, чьими руками тебя ломали так долго? Я обещаю, я докажу, что прошлое больше не властно надо мной.»

Однажды, направляясь в малый тронный зал, Килиана столкнулась с отцом. Король Ирид Роддс стоял у окна, заложив руки за спину. Его фигура казалась высеченной из гранита. При виде дочери он слегка склонил голову.

— Подготовка к Фестивалю идет по графику, — голос Ирида был лишен эмоций, взгляд смотрел сквозь Килиану. — Народ ждет твоего появления, Килиана. Ты должна выглядеть безупречно. Офелия должна видеть свою принцессу сильной.

Килиана остановилась в нескольких шагах от него. Между ними пролегла невидимая пропасть, высеченная из его предательств и её боли. Она смотрела на человека, который отдал её душу демонице, и больше не находила в себе сил даже на гнев — только на бесконечную отстраненность.

— Я исполню свой долг, отец, — ответила она, и её голос прозвучал так же безучастно. — Но я сделаю это для народа и для будущего королевства, а не ради твоих амбиций.

Ирид сузил глаза, в которых на мгновение проскользнуло что-то похожее на раздражение, но он быстро взял себя в руки.

— Твои методы управления... — он сделал паузу, — они вызывают вопросы у некоторых советников. Ты слишком милосердна к тем, кто заслуживает твердой руки.

— Твердая рука привела нас к тому, что дворец превратился в склеп, — отрезала Килиана. — Больше этого не будет.

Они обменялись еще парой формальных фраз о безопасности на празднике и разошлись, так и не посмотрев друг другу в глаза. Она шла быстро, чеканя по холодному камню и разглаживала складки платья.

Девушка продолжала наблюдать за Александром издалека. С галереи она видела, как он тренируется. Его движения становились точнее, в них возвращалась уверенность и сила. Стражники, поначалу обходившие его стороной, теперь вели с ним короткие разговоры. Килиана увидела, как он помог подняться упавшему молодому стражнику, и как старый мастер меча одобрительно похлопал его по плечу. Это воодушевляло, радовало.

Александр замечал её перемены и его ненависть шаг за шагом выцветала, сменяясь настороженным наблюдением.

Наконец, Килиана решилась. Она велела накрыть ужин в своих покоях и лично постучала в его дверь.

— Александр, — позвала она, когда он открыл. — Поужинай со мной сегодня. Пожалуйста.

Он долго смотрел на неё, словно взвешивал риски, но затем коротко кивнул.

Ужин проходил в напряженном молчании. На столе дымилось жаркое из оленины с лесными грибами, стояли чаши с пряным вином и свежий хлеб. Килиана несколько раз открывала рот, чтобы заговорить о главном — о том, что она видела в его сознании, о том, как ей жаль, о том, что она понимает его боль... Но слова не выходили наружу. Она боялась разрушить тот хрупкий мир, который начал зарождаться. Она боялась увидеть в его глазах отблеск тяжёлого воспоминания, если напомнит о коме.

— Расскажи мне... — наконец выдавила она, — расскажи о своей жизни до того, как ты попал сюда. Какой она была?

Александр ковырял ножом жареную дичь. Вилка отбивала дробь по серебряной тарелке — руки всё еще иногда теряли силу после яда.

— В ней не было ничего примечательного, Ваше Высочество, — начал он негромко. — Я вырос в поместье Чёрные Сосны на окраине. Леса, поля, бесконечные тренировки с отцом... Феликсом. Он был строг, но справедлив. Учил меня, что честь дороже жизни, а знание — сильнее меча. Он не учил меня быть придворным лордом, — буркнул он, не поднимая глаз. — Он учил правильно держать охотничий нож, чтобы лезвие не соскальзывало на пальцы, когда сдираешь шкуру с зайца. И пить эль, не морщась.

Килиана тихо усмехнулась. Смех прозвучал непривычно, почти дико.

— Мой отец учил меня одному: никому не верить. Как видишь, оба урока у нас не слишком сработали.

Он говорил о запахе скошенной травы, о студёной воде в ручьях, о том, как мечтал увидеть дворец. Его рассказ был полон мелких деталей, но Килиана заметила, как он тщательно обходит острые углы. Он ни словом не обмолвился о Марсеи, о своем истинном происхождении или о том, что Феликс не был его кровным отцом. Он строил вокруг своего прошлого стену, защищая то немногое, что у него осталось.

Килиана слушала, затаив дыхание. Она видела перед собой не измученного пленника, а мужчину, у которого отняли дом и будущее.

— Ты, должно быть, очень скучаешь по тем временам, — тихо произнесла она.

— Того времени больше нет, — отрезал Александр, и в его голосе на мгновение промелькнуло прежнее безразличие. — Как и того человека, которым я был.

— У меня есть для тебя небольшой подарок… На твой день рождения… Правда, я не знаю когда он…

— Двадцать шестого декабря. Девятьсот девяносто шестой год.

— Получается, ты на четыре года старше меня. — Килиана улыбнулась уголками губ.

Килиана встала из-за стола и направилась к сундуку. Она достала оттуда небольшую коробочку, обитую зеленым бархатом, и протянула её Александру.

— Что там?

— Открой и сам увидишь.

Он смотрел на неё — прямо, не отводя взгляда. В нём была усталость и капля удивления. Он видел перед собой принцессу, которая просила вместо приказов; которая пыталась залечить боль. Кончики пальцев коснулись коробочки. Руки едва заметно задрожали, а дыхание перехватило.

— Это… — Он распахнул глаза и не веря перевёл взгляд на девушку.

— Кинжал Феликса… Я… Я выкрала его из кабинета отца…

— Спасибо… Это… Это очень важно для меня… — Александр прикрыл глаза. С силой впился в зелёный бархат коробочки. — Вы действительно изменились, Килиана, — произнес он, впервые назвав её по имени. — Я вижу, что вы делаете для людей. Это... странно.

Ужин закончился спокойнее, чем они оба ожидали.

Когда Александр ушёл, Килиана ещё долго сидела у камина, глядя на тлеющие угольки. Она слушала шуршание ветра за окном и пение ночных птиц. В комнате пахло остывшим мясом и пряным вином.

Зал, где собирались лорды, был украшен не столько лентами, сколько тонкой завистью.

С их лиц не сползала натянутая улыбка. Лорд Хирион первым начал разговор:

— Слушайте, — сказал он, — народ ожидает торжества. С кем лучше объединиться, нежели с домом Малроя? Их сын — крепкий, с достаточным состоянием и политическим весом. Александр же — сын казнённого. Для государственной стабильности нам нужен прочный альянс.

За его спиной голоса зашептали, и одна из дам, тихая, но хитрая, добавила:

— Подумайте о наследии. Принцесса — лишь строчка в летописи; ей лучше выбрать семейство, которое не потянет за собой скандал.

Планы начали выстраиваться, как карты: выгодный брак — контроль над короной — спокойствие для знати. Они говорили о «нужде в престиже» и «убережении короны», подчёркивая, что слово «Александр» звучит как недостаток.

Из зала доносилась ещё одна мысль: «*разрыв помолвки сохранит мир*». Большинство считало это благоразумным. Но с задних рядов доносились иные голоса — менее громкие: несколько старых дворян и экономок шептали, что наказание свыше — это не ответ на долгую жестокость. Они помнили, как Килиана однажды спасла ребёнка; они видели её изменения. Их шепот был тихим сопротивлением, но он уже начал образовывать противовес.

Рассказав Килиане о своем детстве и о Феликсе, Александр словно лишился части своей брони. Вернувшись в свои покои, он долго не мог уснуть. Его взгляд то и дело возвращался к подарку Килианы. Мозолистые пальцы касались нежнейшего бархата и невесомо гладили холодную сталь. Кинжал был до безобразия простым: черенок, обитый добротной кожей; стальной клинок; крестовина с гравировкой *«Честь дороже жизни».*

Смежная дверь больше не казалась надёжной преградой. Она ощущалась тонкой, как пергамент, сквозь который проникали звуки чужой, пугающей жизни.

Начались дни странного, мучительного затишья.

Тайна Александра, которая жгла грудь сильнее, чем недолеченные сломанные ребра, продолжала виться в его памяти словами: «*Вы единственный законный преемник на трон…*»

Эти строки перевернули его мир. Он, кого считали сыном мятежного лорда Феликса Рида, оказался принцем южного королевства.

«Эта тайна смертельно опасна.»

Никто в Офелии — ни жестокий король Ирид, ни сама Килиана — не знали об этом. Для них он по-прежнему оставался сыном казненного «предателя», удобной игрушкой для битья и заложником.

Эта тайна заставляла его держать ухо востро.

«Я обязан выжить, чтобы вернуться домой. А значит, нельзя поддаваться на хрупкое очарование принцессы.»

После ужина Килиана делала робкие, почти незаметные попытки облегчить его существование. Она видела, как тяжело ему даются тренировки на плацу, как он морщится при каждом глубоком вздохе.

Вечером она тихо постучала в его дверь. Александр сидел на кровати, сжав зубы от ноющей боли в груди.

— Войдите, — сухо бросил он.

Килиана переступила порог. В руках она держала небольшую глиняную баночку, от которой исходил резкий запах хвои и мяты.

— Ричард приготовил эту мазь для твоих ребер, — тихо произнесла она, останавливаясь в паре шагов от него. — Она снимает воспаление. Позволь, я… или ты можешь сделать это сам.

Александр покосился на баночку, затем перевел на неё недоверчивый взгляд.

«*Она хочет втереть яд? Или прощупать мои раны, чтобы понять, насколько я слаб?*»

— Оставьте её на столе, Ваше Высочество, — ровно ответил он. — Я справлюсь сам. И только после того, как лекарь подтвердит, что лично смешивал эти травы.

Килиана на мгновение замерла. В её разноцветных глазах — синем и черном — отразилась такая глубокая грусть, что Александру на секунду стало не по себе. Она молча поставила баночку на столик и вышла, тихо прикрыв дверь.

Ночью, когда боль стала нестерпимой, он всё же открыл баночку и нанес мазь на кожу. Ломота утихла почти мгновенно.

Юноша лежал в темноте, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри него растет раздражение на самого себя. Сон не шёл, и он решил прогуляться по ночному дворцу.

Александр шёл по тёмному коридору и заметил полоску света под дверью заброшенной библиотеки. Юноша замер.

«Килиана опять сидит за работой.»

Он толкнул тяжёлую створку бесшумно — петли были смазаны, к счастью, — и прижался плечом к тени высокого шкафа.

Она сидела у дальней стены, сгорбившись над столом. Вокруг валялись раскрытые фолианты, свитки, исписанные кривым почерком листы. Огарок свечи почти догорел, лужа застывшего воска уже залила каменную подставку. Килиана в очередной раз перевернула страницу, тяжело вздохнула и разжала пальцы. Гусиное перо соскользнуло и упало на камень.

— Да пропади оно всё пропадом… — пробормотала она себе под нос.

Она потёрла глаза ладонями. На скулах и носу остались грязные чернильные мазки. Выглядела она паршиво — бледная, с провалившимися глазами, как привидение.

— Может, ищете не там, — бросил Александр из темноты.

Килиана подпрыгнула на стуле так резко, что стул заскрежетал по полу. Правая рука мгновенно взлетела к поясу, пальцы вцепились в рукоять кинжала.

— Ты с ума сошёл? — выдохнула она, злая и испуганная. — Давно здесь стоишь?

— Достаточно, чтобы понять: горы макулатуры Вам не помогут.

Она с прищуром всмотрелась в него так, как у другого бы сердце в пятки провалилось, но Александр даже не шелохнулся.

— Какое потрясающее открытие, — процедила она. — На выход.

— Можете приказать.

— Могу.

Но с места она не сдвинулась, приказ не озвучила.

Александр вышел из тени, подошёл к столу. На пергаменте под его пальцами белела грубая анатомическая схема — чья-то рука перечеркнула её жирным крестом и приписала криво: «*Обитель чужой воли*».

— Хотите найти способ прикончить её? — спросил он тихо.

— Способ сделать так, чтобы тварь больше не залезла в моё тело.

— А если она уже там?

Килиана замерла. Язычок свечи качнулся от её резкого вдоха, силуэты на стене задрожали.

— Тогда я должна заметить это раньше, чем она снова начнет дергать за нитки, — выговорила она.

В голосе не осталось ни капли той спеси, с которой она отдавала приказы в подвале. Только голый, ничем не прикрытый кошмар, который она заталкивала обратно глотками воздуха. Пальцы быстро тёрли чернильные мазки.

Александр осмотрел стол. Рядом с трактатами лежала её личная тетрадь. На полях — неровным, сбивающимся почерком: имена судомоек, отметки о вычетах из жалования, списки возвращённых мужикам наделов.

— Вы пытаетесь вычистить весь дворец разом, — сказал он.

— У меня нет времени ждать, пока кто-то сделает это за меня.

— Будет. Если вы перестанете падать в обмороки от недосыпа.

Килиана подняла голову. Её гетерохромные глаза сузились, а брови упрямо сошлись на переносице.

— Пришёл читать мне мораль?

— Нет. Хотел посмотреть, чем вы заняты по ночам.

— Насмотрелся?

Александр окинул взглядом её пальцы — в чёрных чернилах. На остывший чай в чашке, к которому она даже не притронулась.

— Нет, — ответил он честно, без вызова. — Но впервые хочу понять.

Килиана шумно выдохнула, словно из неё выпустили воздух, и захлопнула толстый фолиант прямо перед его носом.

— Тогда садись.

Он обошёл стол и опустился на стул напротив.

Между ними легла раскрытая книга.

Дворец преображался, но это самоуправство вызвало ярость короля.

Александр стал свидетелем их столкновения. Он возвращался с тренировки, когда услышал в коридоре у тронного зала резкие голоса. Спрятавшись за гобеленом, он затаил дыхание и выглянул.

— Ты слишком много на себя берешь, Килиана! — гремел голос Ирида Роддса. Король стоял перед дочерью, его лицо искривилось и покраснело. — Твои «реформы» пахнут слабостью. Ты заигрываешь с чернью, отменяешь указы. Ты забываешь, кто здесь хозяин.

— Я пытаюсь спасти то, что еще можно спасти, отец, — твердо ответила Килиана, хотя Александр видел сквозь щель в гобелене, как знобило её плечи, а руки сжимали юбку платья. — Твои действия превратили Офелию в склеп. Если мы не изменимся, народ просто уничтожит нас.

— Замолчи! — Ирид сделал шаг вперед, и его аура буквально придавила воздух в коридоре, Килиана сделала шаг назад. — Твоя корона держится по моей воле. Одно мое слово —

и ты вернешься в лазарет, а твой драгоценный пленник, отправится на плаху. Не зли меня, Килиана.

Король развернулся и стремительно ушел. Килиана осталась стоять одна, прислонилась к стене и закрыла лицо руками.

Александр, наблюдавший за этим, почувствовал себя неуютно.

«Она рискует собой. Она идёт против тирана-отца. Защищает меня, я же для неё всего лишь сын мятежника. Зачем разыгрывать такой опасный спектакль, рискуя собственной свободой?»

Килиана принесла ему книгу. Это был старый географический атлас пограничных земель, включая южные королевства.

Когда она положила книгу на его стол, воздуха в комнате стало мало. Он сглотнул вязкую слюну.

«*Она знает? Она нашла письмо?*» — паника едва не выдала его.

— Я подумала, тебе будет интересно, — мягко сказала Килиана, не замечая его расширенных глаз. — Твой отец, Феликс, много путешествовал на юге. Возможно, в этих картах ты найдешь места, о которых он тебе рассказывал.

Александр заставил себя вдохнуть полной грудью. Он внимательно всмотрелся в её лицо. Она действительно ничего не знала. Для неё он по-прежнему был просто сыном Феликса Рида.

Он резко отодвинул книгу в сторону.

— Мой отец мертв, Ваше Высочество. И карты не вернут его к жизни.

Килиана тихо вздохнула, ногтем большого пальца она прочертила полосу на краю стола.

— Я понимаю, Александр. Но… я просто хотела, чтобы ты помнил, что за пределами этих стен есть другой мир. И что ты не останешься здесь пленником навсегда.

Она повернулась и вышла. Александр долго смотрел на закрытую дверь, а затем медленно притянул атлас к себе. Он открыл атлас на карте Марсеи. Шершавые подушечки пальцев осторожно легли на контуры границ — его истинной родины. Он сочувствовал ей, этой сломленной принцессе, которая пыталась искупить грехи, которых даже не помнила. И это пугало его.

Леди Роувен пришла в покои Килианы с улыбкой, от неё веяло садами и благопристойностью. Её руки играли веером, и проницательные голубые глаза что-то выглядывали.

— Ваше Высочество, — начала она вежливо, — мир предлагает вам шанс. Мой брат недавно получил предложение от дома Фалдера — молодой муж, чистые связи, армия и деньги. Представьте: брак, который укрепит корону и избавит вас от скандалов.

Килиана отложила книгу. Книга с хлопком ударилась о стол. Леди Роувен вздрогнула.

— Вы предлагаете мне брак по расчёту? — спросила она. — Но что с Александром? Что с тем, кого я знаю? С тем, кого отец пророчил мне в мужья?

— Это не о доме вашего сердца, милая, — мягко ответила леди. — Это о короне. И, клянусь, вы будете в безопасности.

Килиана вздохнула. Она слышала в этом не критику, а корыстный совет. Ответ был прост:

— Я не считаю себя предметом торга. Если вам дорого ваше место при дворе, то берегите его, но не ценой чужих судеб.

Леди Роувен ушла, сохраняя учтивость, но в её глазах читалось: она не отступит. Знать верила, что изменение — это брешь; и эти предложенные партии уже считались не предложением, а планом.

Глава 6

Забытые тропы

8 июня 1021 г.

Ночь не приносила Александру покоя, он ворочался с боку на бок. Тело гудело после долгих часов на плацу, но, несмотря на изматывающую усталость, сон не шёл. За три года плена тело отвыкло от движения и теперь с трудом справлялось с нагрузками. Вместо приятной усталости он ощущал отдышку и боль в мышцах. Ричард разрешил ему короткие тренировки, но Александр скрывал, насколько сильно еще болит грудь. Каждый удар меча, каждое движение были его вызовом, борьбой не только с противником, но и с собственным ослабевшим телом. Но он упорно продолжал, зная, что это единственный путь к выживанию, к возвращению домой.

Перед глазами Александра вспышкой пронеслось недавнее воспоминание, губы дрогнули в улыбке.

На тренировочной площадке Александр тяжело дышал. Он навалился всей грудью на рукоять деревянного меча, пытаясь унять дрожь в руках. Каждый вдох отзывался тупой, ноющей болью в сломанных ребрах, но он упрямо сжимал зубы. Гвардейцы окружили его полукругом. Поначалу лишь усмехались, наблюдая за изможденным пленником.

Томас — один из старших стражников. Сделал резкий выпад. Александр едва успел заблокировать удар, отлетев на несколько шагов назад и едва удержавшись на трясущихся ногах.

— Хватит на сегодня, парень, ты едва стоишь, — бросил Томас, опуская меч.

— Ещё раз, — прохрипел Александр, выпрямляясь и снова поднимая оружие. В его глазах горел такой яростный огонь, что стражники невольно притихли.

Томас хмыкнул, но в этом звуке промелькнуло уважение. Он подошел ближе и поправил стойку Александра.

— Держи локоть ниже, иначе откроешь бок под удар. И не хватай рукоять так сильно, пальцы быстро устанут. Давай сначала.

В редкие часы затишья Александр находил утешение в библиотеке. Он жадно читал книги. Изучал трактаты по правлению, истории королевств, законы и обычаи.

«Я должен прибыть в Марсею не простым заложником, а человеком, готовым к новым испытаниям.»

Именно в библиотеке он всё чаще встречал Килиану. Она появлялась бесшумно. Её взгляд, прежде полный презрения и жестокости, теперь часто задерживался на нём. Каждый раз она открывала рот, но тут же его закрывала, так ничего и не озвучив. Видел, как она колеблется, как подбирает слова, но не мог заставить себя ответить ей взаимностью.

«Я не готов. Не готов простить…»

Иногда, она молча подходила к нему, ставила чашку с чаем и маленькое блюдце с булочками. Чашка дрожала, блюдце со звоном ударялось о стол. Килиана опускала глаза в пол и уходила.

— Спасибо… — Только и успевал он сказать вслед удаляющейся фигуре. Чай так и оставался стоять на столе.

Однако, несмотря на своё сопротивление, он не мог не замечать перемен. Слуги, прежде шептавшиеся за её спиной, теперь говорили о ней с уважением. Воины, которые раньше смотрели на неё с недоверием, теперь отмечали её справедливость и доброту. Он слышал об этом.

Видел её, когда она разбирала жалобы, когда её голос звучал твердо. Когда она защищала слабых.

«Почему это радует меня?» — спрашивал он себя, когда видел её улыбку, обращенную к кому-то из слуг. Эта радость, которую она вызывала в других, проникала и в него. Рушила стены, которые он так старательно возводил вокруг своего сердца. Он осознавал, что Килиана, та, что подарила ему три года ада, теперь вызывает в нем не столько отвращение, сколько.... интерес. Он видел в ней не демоницу, а человека, пытающегося искупить грехи, которые были совершены её руками, но не её душой. Это осознание пугало его, заставляло всё крепче сжимать кинжал, её подарок, что так сильно напоминал о Феликсе.

Днём во время тренировки он услышал обрывок разговора между стражниками Джоном и Томасом.

— Говорят, принцесса сама приказала перенести его вещи в свои покои, — шептал Томас.

— Да уж, — отвечал Джон. — Не думал, что она так изменится. После всего, что было… Может, она болеет чем? Может, демоны?..

— Прикуси язык, Джон! — резко оборвал его Томас, бросив быстрый взгляд на Александра, который впитывал каждое слово.

Слова Томаса о демонах отозвались в Александре приступом тошноты. Меч выпал из рук, подняв песок в воздух.

«Это не просто догадки... Но она изменилась. Она вернулась к доброте, и даже превзошла её».

Она шаг за шагом, невольно, просто своим существованием, показывала и доказывала Александру, что её душа осталась чиста. И эта новая, хрупкая надежда, что Килиана действительно невиновна, заставляла сердце биться сильнее, чем любая ненависть.

Он лежал в постели, слушая пение ночных птиц.

Едва уловимый шорох донесся из покоев принцессы.

«*А если кто-то пробрался в её покои?*» Он пытался отогнать мысль, но поток тревожных предположений был неуправляем. «*Что, если это Морриган?»*

Александр тихо встал и вышел на балкон. Яркая луна залила раскинувшийся внизу город серебром. Внизу, в густых сумерках, очертания домов казались нереальными и зыбкими. Лунный свет делал привычные очертания потусторонними, словно где-то у дворца, кто-то притаился.

Предплечья Александра покрылись мурашками, рот наполнился кислой слюной. Он поспешил вернуться в свои покои, но шорох не прекратился.

Молодой человек прошелся по комнате. Потом ещё раз. Ещё.

Врываться в чужие покои без нужды не хотелось. Александр замер у смежной двери и прислушался. Шаги. Тихие, но уверенные. Они становились то тише, то громче. Открылся выдвижной ящик, скрипнула дверца шкафа.

Александр выдохнул, осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В свете луны, проникавшем сквозь щель в портьерах, он увидел Килиану. Она рылась в дубовом шкафу, её движения были резкими, почти отчаянными. Из шкафа вылетала одежда и украшения. Внезапно в её руке блеснуло что-то металлическое.

«*Кинжал!*» — пронеслось в голове Александра. Опасение пригвоздило его к полу, руки вцепились в дверной косяк. *«Это демоница?»*

— Ваше Высочество? — прошептал он, его голос колебался, разрезая возникшую тишину.

Килиана не ответила. Она даже не взглянула на него.

Она выхватила из шкафа серый плащ и набросила его на плечи. Тяжелая ткань скрыла сорочку и медно-рыжие волосы. Девушка выскользнула за дверь.

Александр застонал, провёл рукой по лицу.

«Куда она идет? Решила покончить с собой? Или её отец что-то придумал?»

Александр рванул за ней. Он двигался тихо, прятался, готовый вмешаться в любой момент. Килиана двигалась с поразительной ловкостью, скользя по спящему дворцу. Лунный свет, проникавший сквозь своды окон, освещал её путь. Она миновала стражников, которые спали на постах. Александр шёл следом через северное крыло, прямо к дверям на задний двор.

«Что она ищет? Куда идёт? Дура!»

Словно опытный шпион, Килиана покинула стены дворца. Александр почти бежал за ней. Каждый его шаг отзывался агонией под бинтами. Он несколько раз останавливался, пережидая спазм. Лёгкие обжигало, перед глазами танцевали белые пятна, но отступать он не собирался.

Древний лес подступал почти к самым стенам дворца. Его могучие стволы смыкались в сплошную тёмную стену. Эта стена оберегала лес, скрывала его тайны. Люди поговаривали, что не могут ступать в этот лес, что-то в нём отталкивало каждого приближающегося. Александр тоже чувствовал это. Лес не хотел впускать его в свои владения, неведомыми силами отталкивая его от себя. Но мужчина пробивался через невидимый барьер. Он упрямо следовал за ускользающей фигурой принцессы.

«Моя невеста что-то ищет. Ночью. С кинжалом. В лесу. За грибами пошла?» — Александр тихо засмеялся.

Килиана ловко двигалась среди деревьев, её легкая фигура скользила между стволами. Александр то и дело спотыкался о корни. Ветки хлестали его по лицу, сбивали дыхание. Принцесса уходила всё дальше.

«*Зачем я пошел за ней?* — мысленно возмущался Александр, продираясь сквозь плотные заросли. — *Кто знает, что у неё на уме? Может, она хочет унизить меня? Нет, нужно идти за ней, чтобы она не попала в неприятности. Иначе неприятности будут у меня. Король не прощает ошибок, а она… она непредсказуема, безумна*».

Ветка снова хлестко ударила его по скуле, оставляя жгучий след. Александр взвыл. Лес вокруг мужчины был тихим. Только шелест листьев и хруст веток под ногами издавали звуки. Высокие деревья смыкали кроны над головой, превращая лунный свет в блеклые пятна на земле. Воздух был пропитан запахом влажной земли, прелой листвы. Каждое движение, каждый шорох казались частью чего-то потустороннего, словно кто-то следил за ним из глубины теней.

«*Она уходит*, — пронеслось в голове Александра. — *Слишком быстро.*»

Он поспешил вперёд, сжимая зубы от боли. Упрямые ветви и кусты взбунтовались, не давали ему ускориться. Они цеплялись за одежду, лезли в глаза и замедляли каждый шаг. Невидимые силы давили на него, пытались остановить, но он упорно прорывался сквозь них.

«Я должен быть рядом с ней.»

Стволы деревьев поредели, и Александр вырвался из плотных зарослей. Перед ним открылась гладь темного озера. Озеро Лунных слёз. В его центре, на маленьком островке, возвышалось усыхающее, скрюченное дерево. Его голые ветви тянулись к небу. Над деревом висел огромный серебряный диск луны. Он казался глазом древнего бога, который равнодушно взирает на мир. От озера веяло увяданием.

Килиана подошла к самой кромке озера.

Александр, не успел выйти из-за деревьев. Корни и ветки оплели его щиколотки. Живые тиски сжались, не давая сделать и шага. Он дёрнулся, но и руки оплели травы и ветви кустов. Листья заполнили его рот.

«Что это? — Юноша повертел головой в попытках освободиться. — *Лес… Он не пускает меня. Её ловушка? Или… Или что это?»*

Александр снова дернулся, но корни сильнее впились в кожу, заставляя рёбра гореть из-за неудобной позы.

«*Я снова беспомощен. Великолепно.*»

Ему ничего не оставалось, кроме как наблюдать и не сопротивляться. При малейшей попытке пошевелиться ветки и корни сильнее сжимали его, угрожая сломать кости.

Килиана скинула плащ с хрупких плеч и осталась в тонкой сорочке. Она ступила в воду, сжимая в руке кинжал. Его лезвие тускло поблескивало. Вода, холодная и темная, доходила ей до талии, развевая подол сорочки. Она шла легко, без всякого сопротивления. Водная гладь расступалась перед ней, принимала её. Каждый шаг Килианы был уверенным, ритуальным.

Александр, запертый в объятиях леса, наблюдал.

Принцесса ступила на островок, подняла голову вверх, как если бы возносила молитвы великим богам.

Рядом с Килианой возник силуэт.

Высокий, полупрозрачный, сотканный из света и дымки. Андрогинные черты лица существа были дикими, необузданно красивыми. Тело покрывал нежный мох, в длинные травяные волосы вплетались крошечные лесные цветы. Голову украшала корона из сухих, переплетенных веток. Существо подплыло к Килиане. Его тело, колыхалось и развевалось от каждого движения.

Килиана встретилась взглядом с существом и широко открыла глаза. Доселе остекленевший взгляд прояснился. Принцесса шагнула назад. Александр в кустах напрягся до хруста в рёбрах.

«Это не Морриган, — пронеслось в его голове. — *Это что-то другое. Почему она так на него смотрит… Они знакомы?»*

Существо невесомо коснулось левой щеки Килианы. От этого прикосновения девушка вздрогнула.

Голос существа был сильным, глубоким и многогранным. Не похожим ни на мужской, ни на женский, но в то же время был обоими сразу. В нем слышалось дуновение ветра, эхо лесных ручьев.

— Ты пришла на наш зов, дитя Луны… — прошелестел он, и в его изумрудных глазах отразилась вековая печаль. — Я дух этого Леса, страж жизни.

— Зачем вы звали меня? — Голос Килианы был едва слышен. — Я осквернена. Я чудовище, в чьих венах течет яд Морриган.

«Дитя Луны? — мысли Александра метались. — *Что это значит?»*

Дух леса покачал головой. Прозрачные пальцы снова огладили её скулу. Килиана почувствовала тепло, расслабила напряжённые плечи и прикрыла глаза.

— Демоница была паразитом, — мягко произнёс Дух. — Морриган искала не просто сильное тело или власть. Она из века в век искала первозданную божественную частицу. И эта частица, спустя тысячу лет, переродилась в тебе, дитя.

Килиана замерла, посмотрела по сторонам. Пальцы сжимали и разжимали кинжал.

— Переродилась… во мне?

— Да, дочь Луны, — Дух указал на её правый глаз, сияющий океанской синевой. — Твои глаза — это не клеймо демоницы. Морриган пыталась слиться с твоей божественной частицей, но не смогла. Для этого необходимо добровольное согласие. Уходя, демоница пробудила в тебе божественность. Только носитель искры, способен услышать зов. Теперь твоя кровь способна напитать корни Великого древа и вернуть ему жизнь.

Александр поглощал каждое слово, сказанное Духом.

«*Божественность?* — он вспомнил, как Килиана говорила, что она обычный человек. — *Она сама то знает, кто она?»*

— Значит… я смогу спасти вас? — прошептала она, и её голос прозвучал тихо, надрывно.

— Если сама того пожелаешь, — Дух склонился перед ней в глубоком почтении. — Позволишь ли ты своей божественности исцелить то, что было разрушено?

— Да.

Килиана вздрогнула. Глаза подёрнулись дымкой. Её движения стали плавными, лишенными неловкости. Медленно, повинуясь невидимому кукловоду, лезвие кинжала рассекло кожу на предплечье. На белоснежной коже проступила кровь. Багровый ручеёк медленно потек вниз, напоминая слёзы.

Принцесса подошла к дереву и присела рядом с его огромными, скрюченными корнями. Она прислонилась спиной к стволу. Дух же, присел рядом, нежно поглаживая Килиану призрачными пальцами. Он запел что-то похожее на древнюю молитву или песню. Мелодия, сотканная из шепота ветра и пения птиц, была глубокой и нежной. В душе Александра расцвело умиротворение и благодать. Напряжение покинуло его тело, боль растворилась. Беспокойство отступило, уступая место священному покою.

Сам лес прислушался к песне духа, подпевая ему тихим шелестом листвы и мягким вздохом ветра.

Песня стихла. Ветки, оплетавшие Александра, разжались, возвращая телу свободу. Дышать сразу стало легче.

Александр сразу же стряхнул с себя остатки наваждения, что окутывало его сознание во время пения, размял затёкшие мышцы. Юноша рванул в сторону принцессы. Его ослабевшее тело было готово сдаться. Но он не думал о холоде, о боли. Он думал о ней, лежащей без сознания у подножия древа.

Не раздеваясь, он вошёл в воду. Она была настолько обжигающе студёной, что казалось, словно озеро хранило в себе вечный лед. Это ускорило Александра. Каждый шаг давался с трудом, но он упрямо двигался вперёд. Вода выжигала остатки сомнений.

Лесной Дух продолжал сидеть рядом с телом принцессы, гладил её по волосам. Мерцающие глаза, изучающе смотрели на Александра.

— Кто ты, воин? — прозвучал голос над озером.

Александр замер в шаге от них. Дыхание сбилось, а ледяная вода до сих пор обжигала щиколотки, сковывая движения.

«Воин?»

— Я её жених, — произнес Александр, в голосе прозвучал вызов, смешанный с неожиданной, почти отчаянной потребностью защитить Килиану.

Дух леса медленно покачал головой, и его полупрозрачные черты дрогнули.

— Нет, воин, она не твоя судьба. Твоя судьба ждёт тебя далеко на юге, в землях Марсеи. Там тебя ждет та, что предначертана тебе светом Сола — девушка из рода королевы Биатрисс.

Несмотря на ледяную воду, Александра вдруг бросило в жар.

«*Да что за чертовщина здесь происходит?*»

— Кто такая Биатрисс? Какая девушка из её рода? — Александр сделал порывистый шаг вперёд.

— Биатрисс… Погибшая тысячелетия назад королева твоей родины… Она не оставила наследников, но её род был велик… Твоя судьба нежная.

«*Нежная?* — Александр ухмыльнулся про себя. — *Моя жизнь была чем угодно, но не нежной*»

— Я не понимаю, о чём ты, — признался он.

— Дочь Луны — не твоя судьба… Твоя судьба ждёт тебя вдали, в укромном уголке твоей родины…

«*Моя родина… Марсея*, — мысли Александра метались. — *Этот дух… Он всё знает*»

— Судьба изменчива, — произнес Александр, и в его словах прозвучало упрямство.

«Моя жизнь не будет предрешена. Особенно после всего, что я пережил»

— Как знать, как знать, воин… — голос духа стал еще тише, растворяясь в шелесте ветра. — Позаботься о Дочери Луны. Ты нужен ей. Ты откроешь ей путь.

Александр замер, взгляд переместился на Килиану.

— Что с принцессой? — спросил он, принудительно переводя разговор в безопасное русло.

— Она проснется, воин. Она отдала лесу часть своей силы… Передай ей нашу благодарность.

Дух рассыпался тысячей зеленоватых искр. Они вспыхнули над тёмной водой и тут же погасли. Александр остался один. Наступившая тишина зазвенела в ушах, скрывая все остальные звуки. Превозмогая вспыхнувшую боль в рёбрах, он поморщился и подхватил безвольное тело принцессы. Она оказалась неожиданно лёгкой. Несмотря на то, что сорочка промокла в ледяной воде, кожа принцессы оставалась тёплой и сухой.

Путь назад через Древний лес занял вдвое меньше времени. Ветви, ещё час назад готовые разорвать одежду Александра, теперь сами расступались перед ним. Корни спрятались в земле. Мягкий мох глушил шаги. Где-то вдали запели лесные птицы.

Вернувшись в покои, Александр осторожно опустил Килиану на кровать. Его руки трясло, когда он очищал её предплечье от крови. Он смывал кровавые разводы прохладной водой. Чтобы она не замёрзла, ему пришлось сменить её мокрую сорочку на сухую ночную рубашку. Юноша аккуратно перевязал её руку.

Александр впервые увидел в Килиане не жестокое чудовище и не принцессу, а просто человека — уязвимого, израненного и бессильного перед собственной судьбой. Ненависть, которую он так долго лелеял, теперь казалась неуместной.

Не смея больше задерживаться, он укрыл её одеялом и ушел в свою комнату. Разрозненные мысли — слова духа, тайное письмо из Марсеи, Морриган и неровное дыхание Килианы за смежной дверью — долго не давали ему покоя. Сон не шёл. Но, когда пришел, унес его в путешествие по неизвестной ему родине, по землям Марсеи. Туда, где древние королевы и боги Солнца ждали своего наследника.

Глава 7

Дар

9 июня 1021 г.

Летний день ворвался в Офелию потоками ослепительного света. Роса на траве искрилась миллионами осколков. Утро было прозрачным; воздух был подобен тёплому дыханию, и даже старые узкие улицы ожили. Солнце согревало пыльные улицы.

Горожане встречали рассвет иначе, чем прежде. Они вешали на ворота венки из ромашек и васильков. На рынках открылись лотки со свежим мёдом и ягодными пирогами. Дети носились с бумажными фонариками. На центральной площади уличные музыканты уже играли на свирелях, подражая птицам. Откуда-то донёсся звон маленьких колокольчиков. По всей площади разносился едва уловимый запах полевых цветов.

Торговцы распахивали лотки, швыряли в воздух ароматные специи; старики выходили на пороги, чтобы ощутить солнечные лучи на лицах. Девушки украсили косы цветами и цветными лентами. Всё дышало ожиданием праздника и лёгкой надеждой — не громкой, но согревающей изнутри.

Килиана проснулась с этим теплом в груди. Радость окрыляла, делая каждое движение невесомым, а вдох глубоким, словно кто-то снял с плеч тяжёлую накидку. Сон ещё мелькал на краю сознания глухим отголоском. Но вместо тоски осталось теплое предчувствие. Даже тени в её покоях выглядели мягче. Но под этой радостью упрямо прятался отзвук — беспорядок в комнате: плащ, брошенный на стул, запах леса в волосах, повязка на предплечье. Эти мелочи напоминали, что счастье хрупко.

«Что за… Откуда эта повязка? Снова провалы в памяти?»

Внутренний голос, тихий, но настойчивый, шептал:

«*Вспоминай. Ты видела лес, Килиана. Ты не можешь это игнорировать.»*

Старая робость тут же подхватывала:

«*Что, если это ловушка? Что, если это снова она?»*

Но жажда свободы и правды говорила громче. Между этими голосами выросла решимость — тихая, но непреклонная.

Она выбрала самое простое платье — от корсетов и пышных юбок её давно тошнило. Волосы Килиана собрала в небрежный узел, позволила нескольким прядям свободно падать на лицо.

Завершив утренний обход и визит в библиотеку — где она задержалась у полок со старинными трактатами о травах — Килиана направилась в обеденный зал. Она надеялась найти Александра и пригласить его присоединиться, но он снова где-то скрывался.

«Может занят, а может, намеренно избегает меня»

Зал встретил принцессу привычной пустотой: гладкая сервированная посуда на длинных столах, тишина, которую не нарушают разговоры. Для многих людей пустой зал ассоциировался с одиночеством; для Килианы это было привычкой. Она любила есть одна, слушать эхо своих мыслей. Одиночество не давило — оно было её тихой гаванью.

Её обед был прост: свежий хлеб, мягкий сыр с травами, тёплые груши с мёдом и чашка травяного чая. Она ела не торопясь. Ароматы еды смешивались, отчего она закрывала глаза, наслаждаясь. Солоноватый козий сыр приятно оттенял сладость печеных груш, а терпкий травяной чай согревал. На мгновение Килиана даже улыбнулась.

«Мама всегда сидела справа от отца, напротив меня. Она всегда улыбалась, мягко клала голову на плечо отца, нежно гладила мою руку…»

Сентябрь 1006 г.

Обычный ужин. Такой же, как всегда. Такой же, как вчера. И позавчера.

Марианна положила в тарелку мужа разваристый картофель с маслом и ласково спросила.

— Как прошёл твой день, милый?

— Очень скучал без тебя, дорогая. — Ирид нежно коснулся губами щеки жены. — Как прошли занятия у моей девочки? — Ирид улыбнулся дочери и потрепал её по макушке.

— Всё хорошо, папочка! Мы сегодня изучали сложение и вычитание. Я таааак устала… — *Маленькая Килиана смешно всплеснула руками и тяжело, по-взрослому вздохнула.*

— Знания — сила, милая. — Улыбнулась Марианна.

Печальная улыбка тронула её губы, она до сих пор помнила аромат маминых духов и её тёплые заботливые руки.

«Однажды всё изменится»

Закончив с обедом, она пошла в северное крыло, к заднему двору. Слуги, которых она встречала по дороге, уже не бегали с бедственной покорностью. Теперь их поклоны были спокойнее, взгляды — прямее; в их улыбках читалось принятие, любопытство. Кто-то поднимал взгляд и задерживал его на её лице.

«Еще немного, — шептала она себе, — *не спеши, но продолжай идти вперёд»*

Лес встретил её совсем не так, как во сне. Обычно он был закрытым, полным древних запретов, отталкивал приближающихся; сегодня же кромка деревьев распахнулась, приглашая. Зеленая крона шумела на ветру, застоявшийся запах сырой земли, грибов и прелых листьев смешивался со смолистым духом. Птицы затихли, и в тишине послышался лёгкий шелест — лес вдохнул.

Килиана замялась у линии стволов. Она теребила рукав платья и оглядывалась. Деревья казались доброжелательными: корни мягко утонули в земле, ветви расступились.

Она сделала шаг.

Килиана разглядывала цветы и деревья, прислушивалась к пению птиц, цепляла подолом колючки. Спустя несколько минут блужданий она вышла к озеру. Вода отражала огромное дерево, цветущее так, словно весь лес оделся ради него. Прозрачные лепестки светились бледным светом; корни оплетали берег, а от ствола веяло живым теплом. Оно совсем не походило на то умирающее древо из её ночного видения.

Девушка глубоко вздохнула, сняла верхнее платье, и вошла в воду. Она ожидала холода, но озеро встретило её ласковым теплом. Вода ласкала кожу, смывая пыль и усталость. Дыхание выровнялось, мысли стали прозрачными. Килиана шагнула к самому Древу и прижала ладонь к стволу. Кора оказалась неожиданно тёплой, бархатистой на ощупь, будто вобрала в себя всё полуденное солнце. Древо ответило на её прикосновение: сквозь пальцы прошли волны покоя.

На периферии зрения мелькнуло светлое пятно. Килиана вздрогнула и отдернула руку. Но инстинкт вежливости заставил её склониться в реверансе. Существо говорило голосами, будто сотни шёпотов слились воедино.

— Здравствуй, дочь Луны…

— Здравствуйте… — прошептала Килиана, едва справляясь с удивлением. — Я… я помню вас.

Дух подошел ближе. Его полупрозрачные пальцы едва ощутимо тронули белый бутон в её волосах, не помяв ни единого лепестка.

— То не был сон, дитя. Ты спасла лес. Ты отдала часть себя, и Древо ответило. Отныне, тебе дарован дар: ты сможешь исцелять — залечивать раны, вынимать яд, даровать облегчение. Но знай: у всякого света есть тень. Чужая боль станет твоей. Исцелишь порез — сталь рассечет твою плоть. Изгонишь яд — отрава обожжет твою кровь. Твое тело сильнее, нежели у простых смертных и раны затянутся быстрее. Но этот дар — великая ответственность. Берегись истощения. Берегись самопожертвования. Древо исцелено; теперь лесные духи уходят на покой. Храни себя, дочь Луны.

С этими словами дух растаял в воздухе. В воздухе едва заметно запахло смолой. Килиана стояла с раскрытым ртом, полная трепета. Ладонь, которой она коснулась коры, покалывала, по коже пробежала тёплая волна, словно невидимая плеть оставила знак.

Она сделала шаг назад.

«Спасибо… Теперь я смогу… Смогу помогать людям»

Килиана не стала откладывать — в груди жгла лёгкая надежда.

Первым делом она направилась в лазарет, туда, где запах трав и чистой марли всегда смешивался с запахом железа и спирта.

Лазарет встретил девушку тишиной — послеобеденный сон накрыл комнаты мягким одеялом. Ни Ричарда, ни его помощниц не было видно. Только где-то из глубины доносилось редкое поскуливание и тихое дыхание больных.

Благодаря ежедневным обходам Килиана знала, в каких палатах кто лежит.

Килиана подошла к койке, где лежал Марек — гвардеец, чьё правое предплечье было пробито мечом. Повязка съехала, на ткани темнела кровь. Его грудь неровно поднималась и опускалась, ресницы отбрасывали тени на щеки. Руки напряженно лежали вдоль тела; на лице читалась усталость и свойственная гвардейцам стойкость. Всё говорило о том, что он прошёл через многое. Сейчас же его тело, наконец, взяло передышку.

Килиана задержалась на мгновение, наблюдая за ним. Её сердце сжалось.

«Беря боль других, ты будешь носить её в себе.» — Голос Древа, шепчущий в памяти, напоминал о цене.

Килиана осторожно приподняла край засохшей повязки. В нос ударил резкий запах свернувшейся крови. Края раны воспалились и сочились сукровицей.

Глубоко вдохнув, она собралась с силами и прикоснулась ладонью к краю раны. Марек застонал. Ничего не произошло.

«Может, я ошиблась?»

С пальцев сорвалась мягкая серебристая искра. Свет растёкся по рваным краям плоти и втянулся глубоко внутрь раны. На предплечье вспыхнул жидкий огонь. Кожа лопнула, рукав платья пропитался кровью. Ткань с треском лопнула, обнажая багровое пятно. Килиана едва удержалась на ногах, прикусив язык, чтобы не закричать на весь лазарет.

Дыхание солдата выровнялось, уголки губ его расслабились, и в этом скромном движении было больше жизни, чем в словах. Но жжение на её предплечье не унималась — оно было живым и острым. В её груди бурлили противоречивые чувства — радость, что дар сработал, и паника от того, как боль отпечаталась на её теле.

«Если это — правда, то сколько я смогу вынести?» — подумала она, глядя на разрастающееся кровавое пятно.

Она осторожно прикрыла рану Марека чистой марлей, и поспешно покинула лазарет. По пути пальцы время от времени касались того места, где пульсировала свежая рана; кровь оставляла на ткани тёмные узоры — клякса на чистом холсте.

Вернувшись в свои покои, она сняла платье и встала перед зеркалом. На предплечье виднелся разрез. Кожа покраснела, по ней текла тонкая струйка крови.

«Сначала промыть, затем промокнуть чистой тканью, наложить повязку, не давать инфекции шанса»

Вода жгла кожу, но очищала. Килиана аккуратно обработала рану настоем трав и завязала чистой хлопковой лентой. Она выдохнула полной грудью только тогда, когда повязка была надёжно закреплена.

«Я могу исцелять. Я могу помочь людям. Но что будет, если я стану брать слишком много?»

Желание поделиться знанием с Ричардом боролось с опасением — раскрыть это сейчас значило поставить под вопрос всё, что она только что обрела.

Килиана направилась в библиотеку — туда, где лежали старые свитки и травники, где можно было попытаться найти знание про Древо Жизни. Узнать о том, проявлялись ли дары у других.

Ступая по знакомым коридорам, она чувствовала, как каждый шаг резью отдаётся в руке. Она напоминала о цене, а лёгкая пульсация — о смысле.

Ночью, когда дворец погружался в тишину и слабые фонари зажигались на улицах, Килиана кралась в лазарет. Она тихо шла по коридорам. Только её тихое дыхание и медленные шаги нарушали покой проходов. Желание помочь было простым и почти детским: увидеть, как с лица уходит мучение, услышать первый тихий вдох выздоровления. Но дар, который проснулся в ней, не слушался. Она ещё не умела управлять им, поэтому работала с теми, кто мог пережить её ошибки — с теми, чьи раны были поверхностны, чьё дыхание было ровным. Могла подойти ссадина на руке, порез, небольшая лихорадка. Она входила в комнату, наклонялась над спящими, касалась лба, касалась их ран и отпускала силу — мягко, осторожно.

Её руки покрылись ссадинами, на предплечьях появлялись темные синяки — отпечатки чужой боли. Её мышцы уставали так, будто силы уходили прямо в тихий свет неспокойной свечи. Взамен в груди распускался цветок — радость, настолько сильная и тихая, что Килиана боялась произнести его название вслух. Она чувствовала себя полезной, нужной — и это, странным образом исцеляло.

В своих покоях она менялась. Мэри теперь стояла у порога с растерянная: Килиана отказывалась пускать её в покои. Некогда лёгкие платья сменились закрытыми. Высокий ворот, длинные рукава. Даже в жаркую погоду она прятала тело под тканью. Волосы она собирала в строгую косу; на шею надевала платок.

По ночам Александр слышал её всхлипывания. Они доносились через тонкие стены — обрывистые вздохи, тихий шёпот, упрямо нарушающие тишину. Эти звуки резали его по живому. Внутри всё вопило от бессильной жалости.

«Я не сумел уберечь свою семью. Себя. Не смогу помочь и ей»

Он слушал и никак не мог решить, постучаться или тихо уйти. Разум разрывался на части от желания знать, от вспыхивающей потребности обнять и поддержать её.

Каждый раз, когда он думал приблизиться, прошлое давило, сжимало. Стоило подойти к двери, как он порывисто разворачивался и уходил. Стоило поднять руку, как она безвольно опускалась.

И всё же однажды сомнение ослабло, Александр подошёл к двери её покоев. Он прижался лбом к прохладному дереву двери, на секунду зажмурившись, чтобы заглушить собственные мысли, и негромко постучал. Он хотел, чтобы время остановилось, и он мог не думать. Голос, когда он позвал, срывался.

— Ваше Высочество? — его слова были скорее выплеском, чем вопросом.

Всхлипы Килианы стихли.

— Ваше Высочество, с вами всё в порядке? — повторил он, и в голосе звенел стыд от собственной наглости.

Она положила ладонь на брус и прислонилась к двери лбом. Ей казалось, что сквозь дерево она чувствует его тепло.

— Да, Александр, — услышал он её тихий голос. — Всё хорошо. Спасибо… Прости, что потревожила тебя.

Его надежда стёрлась, как пыль после дождя. Он всё ещё стоял, не решаясь уйти.

— Всё в порядке, Ваше Высочество. Могу я войти? — слова сорвались с губ тихо, и он сразу пожалел, что произнёс их вслух.

Килиана медлила. Александр ждал. Дверь приоткрылась.

— Входи.

Он переступил порог, и комната встретила его запахом чая и вечерней свежести. Килиана указала ему на кресло и принялась расставлять чашки. Пальцы у неё дрожали так сильно, что несколько капель чая сорвались и оставили влажный след на фарфоре. Александр шагнул ближе и осторожно перехватил её запястья, не давая разлить кипяток. Под плотной тканью длинного рукава он почувствовал валик бинтовой завязки, но промолчал.

— Ваше Высочество, позвольте, я сам… — сказал он, глядя прямо в её глаза.

— Х… хорошо, — произнесла она. В её голосе слышалось удивление — не столько его помощью, сколько самой близостью.

Между ними оставалось слишком много непроизнесённых слов. Александр несколько раз поднимал взгляд, но каждый раз снова смотрел в чашку. Килиана тоже хотела заговорить, однако не решалась.

«Вы выглядите усталой,» — хотел сказать он.

«Почему ты избегаешь меня?» — хотела бы спросить она.

«Смогу ли я не навредить? Сможет ли он доверять?»

Чаепитие было неловким, по-детски застенчивым. Они молча пили. Мысль о том, что он скоро уйдёт и их пути разойдутся, делала его ещё сдержаннее. Он заметил, как сильно она изменилась: похудела, почти не спала, прятала руки в длинных рукавах. В её лице не осталось уверенности. Это вызывало беспокойство — и необъяснимое желание задержаться.

Он вышел, так и не спросив о коме. Уже в своей комнате Александр понял, что именно это мучает его сильнее всего: он снова выбрал молчание.

За ночь до фестиваля Солнца Килиана остановилась перед зеркалом. Она смотрела на своё отражение дольше, чем обычно. Гетерохромия, которая когда-то пугала её до дрожи, теперь казалась родной: прекрасная, необычайная. Она перестала смотреть на себя с отвращением — и это признание было крошечным предательством, которое согревало и резало одновременно.

Зеркало задрожало, и в нём выступили знакомые очертания — тонкие, невесомые, как дым. Морриган улыбнулась, и эта улыбка была до странного теплой и нежной. Взгляд же чёрных глаз был хищным.

— Здравствуй, половина души моей.

Килиана отшатнулась, но не от жути — от ощущения, что эти слова прозвучали по-настоящему, по-домашнему.

— Что тебе нужно, Морриган? — голос её был ровным, усталым.

— Я сказала, что пригляжу за тобой, — промурлыкала Морриган. Её голос был острым. В зеркале она была близко — так близко, что казалось, её пальцы могли пройти сквозь стекло и коснуться кожи.

— Мне это не нужно, — отрезала Килиана и упрямо вздёрнула подбородок.

Морриган наклонила голову, и в её движениях было столько опасной нежности, что Килиана сглотнула.

— Такими темпами ты погубишь себя, милая. Ты истощишь себя. Сотрёшь душу… — слова демоницы шептали прямо в её голове.

— Это не твоё дело, — выдавила Килиана, и в этот момент ей хотелось бросить в зеркало подсвечник, лишь бы стереть демоницу.

— Я не позволю тебе погибнуть — даже ради этих жалких людишек, — сказала Морриган. Мягкая улыбка погасла, и её лицо исказилось бессилием. — Ты ещё нужна мне.

Из глаз демоницы хлынули чёрные слёзы. Отражение подернулось рябью и растаяло. В воздухе остался ледяной сквозняк и терпкий запах озона. Килиана замерла перед тёмным стеклом, вслушиваясь в тяжелый стук собственного сердца.

Этот дом противоречий не давал ей покоя.
«Здесь даже демоны иногда умеют притворяться заботливыми»

Глава 8

Фестиваль

15 июня 1021 г.

Фестиваль Солнца взорвался в городе вспышкой красок и звуков. Скрипки и свирели подняли утро на ноги, барабаны отбивали стук сердца, а маленькие колокольчики звенели им в такт. Голоса девушек — звонкие и свежие — лились над площадью, призывая людей к алтарю и лавкам. Венки из полевых цветов терялись в густых прядях волос; в каждом из них — пшеница, полынь и яркие маки. Они шевелились, когда красавицы поворачивались. Платья горели радугой: тонкие шелка и грубые льняные рубахи, расшитые золотыми нитями и символами богов. Каждый узор обещал урожай и благословение.

Юноши ринулись в пляс: они крутились и шагали. Над головами со свистом взлетали цветные ленты. Мягкие кожаные сапоги танцоров вбивали в пыль площади старый, как мир, ритм. На площади уже жарили мясо и разливали эль. Торговцы созывали народ, предлагали попробовать кружевные блинчики с мёдом или козий сыр. Корица, тмин, свежая мята сыпались в воздух молниями запахов. Рядом старики несли снопы зерна к храмовому порогу, где жрецы в белых одеяниях разложили подношения и воскуривали травы. Сизый дым полыни поднимался к самому небу, смешиваясь с золотым полуденным теплом.

Дети бегали с бумажными фонариками и куклами, путались под ногами у взрослых и приставали к мастерам, прося оставить для них золотую крошку. В уголках кузнецы и ткачихи хвастались умениями и улыбались редкой минуте покоя. Музыканты сбивались, но никто не обращал на это внимания.

Даже дворец, обычно строгий и молчаливый, распахнул окна. Из комнат послышался смех, разговоры, лёгкое постукивание столовых приборов. Стены потянулись к празднику, впуская в себя свет и музыку.

Солнце поднялось над городом. Лучи пробивались сквозь пёстрые гирлянды, заливая площадь медовым теплом. Люди склонялись в поклоне, поднимали глаза к богам с тем же благоговением, с каким земля поднимает колосья — чтобы год был велик и добр.

Дворцовые гости в этот день согрешили против привычной злобы: разговоры о землях и старых обидах притихли, и воздух наполнился молитвой к богам и ожиданием урожая. Но даже в празднике ниточка придворных расчётов не порвалась окончательно — она превратилась в шёпот, спряталась под рукавами.

Ирид Роддс сидел во главе стола. Впервые за долгие месяцы с его лица слезла вечная гримаса подозрительности: король даже улыбался, пусть эта улыбка и казалась натянутой. В зале стало теплее: свечи горели ярче, а смех звучал правдоподобнее.

— Ваше Величество, — начал один из приближённых, почтительно опустив голову, — народ сегодня рад. Праздник благоволит. И ведь принцесса… как трогательно, что она провела утро в лазарете, помогая раненым. Милосердие — добродетель.

Ирид кивнул, улыбка не покинула губ, но в глазах промелькнул тонкий блеск расчёта. Он ответил мягко, подтверждая общее настроение:

— Люди помнят доброту. Благие дела возвращаются сторицей.

Двое придворных склонились друг к другу, их тонкие губы сжались в хищной улыбке.

— Слушай, Элмор, — прошептал первый, — она всю неделю носится с ранеными, роется в старых библиотеках, а утром — лазарет. Это прекрасно для народа, но не слишком ли много «народных» дел для наследницы?

— Именно, — шепнул Элмор, и его взгляд скользнул к королю. — Есть те, кто предпочёл бы для наследницы образ твёрдой руки, рассудительного правителя. Милосердие хорошо — но

кто будет держать штурвал, когда придёт буря? Немного влияния, намёк — и можно обсудить её роль.

Ирид замер, поправил бокал на столе. Улыбка его не изменилась, но голос стал чуть ниже, весомее:

— Милосердие не мешает власти, если оно не мешает делу государства. Следить нужно — и за милосердием, и за тем, кто им наслаждается.

Шепот в зале стих, но искра закралась в разговоры: под личиной праздника люди обсуждали не хлеб и вино, а позиции и возможности. Двери храма, запах ладана и смех детей — всё это делало заговоры политики ещё удобнее: лицемерие в улыбках и эгоизм в намерениях. На глазах у народа — благословения; за кулисами — расчёт и тихая охота за властью.

Двое дворцовых стражей скользнули по залу, мягкие шаги, закрытые лица, в глазах формальность. Они подошли к королю, стараясь не привлекать лишнего внимания.

— Ваше Величество, разрешите обратиться? — тихо спросил высокий стражник Кирад. Голос его прозвучал ровно, но в нём проскользнуло напряжение, будто струна, настроенная на дурную мелодию.

Ирид, вальяжно развалившийся в кресле с праздной доброжелательностью, небрежно взмахнул рукой.

— Говори, — сказал он. Слова были простыми, будто бы заказанными для подобных случаев. Его улыбка не дрогнула.

— К вам гость. Герцог Эмбергела — Хьюго Энтони, — Кирад отвесил глубокий поклон, но взгляда на короля не поднял.

— Из самого Эмбергела? — удивление скользнуло по лицу короля, но его тон оставался лёгким. — Пригласи его.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — едва слышно отозвался страж и растворился в толпе.

Музыка скрипок за окнами продолжала звонко литься, но разговоры в зале потихоньку стихали.

Двери распахнулись, впустив высокого, статного мужчину. Чёрные, как смоль, волосы спадали ровной шёлковой массой, а черты лица были точёными и аристократично суровыми. Он шёл спокойно, но в каждом его шаге слышалась усталость от дальнего пути.

— Герцог Эмбергела, Хьюго Энтони, — произнёс страж, и его голос прозвучал как звон маленького колокольчика.

Хьюго отвесил безупречно выверенный поклон и без приглашения шагнул ближе к королевскому креслу. Все взоры в зале устремились на него.

— Прекрасный праздник, Ваше Величество, — произнёс герцог бархатистым, надменным голосом. — Сердцу приятно видеть, как народ славит богов за благодать. — Даже на короля Хьюго смотрел свысока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.